

ПЬЕСЫ, СТАВШИЕ ФИЛЬМАМИ

ВАЛЕНТИН
АЗЕРНИКОВ

«По семейным
обстоятельствам»
и другие...

Валентин Азерников

Пьесы, ставшие фильмами

«Издание книг ком»

2018

УДК 82-2
ББК 84-6

Азерников В. З.

Пьесы, ставшие фильмами / В. З. Азерников — «Издание книг ком», 2018

ISBN 978-5-91775-381-2

В книге известного драматурга и сценариста Валентина Азерникова собраны пьесы разных лет. В основном, это комедии. Объединяет их то, что все они были экранизированы. Это неудивительно: их отличают блистательные диалоги, запоминающиеся репризы, растасканные на цитаты, парадоксальные ситуации, колоритные характеры персонажей. Вместе с тем в них много доброты, человечности, в которых мы так нуждаемся. Не случайно многие годы их регулярно показывают на разных каналах телевидения. Эта книга дает читателю уникальную возможность увидеть, какие метаморфозы претерпевает пьеса на пути от сцены к экрану.

УДК 82-2

ББК 84-6

ISBN 978-5-91775-381-2

© Азерников В. З., 2018
© Издание книг ком, 2018

Содержание

Штучный жанр	7
Возможны варианты	8
Действующие лица	9
Действие первое	10
Действие второе	28
Мишель	42
Действующие лица	43
Действие первое	44
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Валентин Азерников
Пьесы, ставшие фильмами
«По семейным
обстоятельствам» и другие...

Штучный жанр

Вот уже много лет Валентин Азерников уверенно входит в число лучших отечественных драматургов, работающих для театра и кино. Все это время каждая его новая поставленная пьеса или новый отснятый киносценарий становились заметным явлением в культурной жизни страны. Конечно, успех в нашем деле нередко связан еще и с режиссером, и с театром или киностудией. И здесь Валентину Азерникову везло: его ставили и снимали хорошие режиссеры в хороших театрах и на хороших киностудиях. А может, это им повезло, что они ставили хорошего драматурга.

Первую же пьесу Азерникова «Третьего не дано» поставил корифей отечественной сцены Юрий Завадский в Театре им. Моссовета. Через год в соседнем театре – Театре Сатиры – выдающийся современный режиссер Марк Захаров ставит «Чудак-человек». Едва ли не самую известную пьесу Валентина Азерникова – «Возможны варианты» – поставил на сцене Театра им. Моссовета один из ведущих наших режиссеров Павел Хомский. Впоследствии по этой пьесе комедийным кинорежиссером Алексеем Корневым был снят телевизионный фильм «По семейным обстоятельствам», который регулярно показывают по телевидению.

Вообще, мне хотелось бы отметить одну особенность драматургии Азерникова – она одинаково востребована и театром, и кино. Многие его пьесы со временем были экранизированы. Одни почти сразу – как уже упоминавшаяся «Возможны варианты», другие – вроде «Профессионала жизни» – ждали семь лет, чтобы с помощью режиссера Аллы Суриковой превратиться в фильм «Искренне Ваш». Режиссер Виктор Титов поставил фильм «Отпуск за свой счет» сразу как был написан сценарий, а Эрнест Ясан снял «Гражданский иск» спустя двенадцать лет после того, как была написана пьеса.

У нас часто принято противопоставлять театральных и кинодраматургов. Но вот все творчество Валентина Азерникова доказывает, что это противопоставление – надуманное; театральное произведение, выстроенное с четкой и мастерской драматургией, нередко обретает и кинематографическую жизнь.

Но мне кажется, что не менее важно и обратное движение пьесы – не к экрану, а к журнальным или книжным страницам. Пьеса – жанр литературы, ее можно не только смотреть на сцене, но и читать. Многие пьесы Валентина Азерникова уже были опубликованы в журналах «Театр» и «Современная драматургия», издавались сборниками в издательствах «Искусство», «Советский писатель». Вот и новые его пьесы нашли свою дорогу к читателю.

Эдуард Володарский

Возможны варианты

Комедия в двух действиях

Редакция 2008 года

Действующие лица

ПДП – постоянно действующий персонаж.

Галина Аркадьевна.

Лида – ее дочь.

Игорь – ее зять.

Николай Павлович – ее муж.

Изольда Тихоновна – ее свекровь.

Старик из Чертанова.

Дама с Бульварного кольца.

Дядя от тети Зины.

Тип из Мневников.

Женщина из Зюзина.

На сцене в беспорядке расставлены столы, стулья, диваны, кресла, телевизор, газовая плита, холодильник, ванна, унитаз, детская коляска. В этой условной квартире разворачивается действие, которое на самом деле происходит в семи разных квартирах. Переход от одной семьи к другой осуществляется просто появлением на сцене нового персонажа. При этом следует иметь в виду, что на самом деле это не он приходит к героям пьесы, а герои пьесы приходят к нему.

Действие первое

Когда начинается спектакль, Игорь смотрит телевизор, Галина Аркадьевна работает за письменным столом, Лида, лежа на диване, читает. ПДП выходит на авансцену.

ПДП. История, которую мы хотим вам сегодня рассказать, произошла тридцать лет назад. Но при этом она совершенно не устарела – к сожалению. Потому что как тогда, так и сейчас в нашем городе каждый год количество маленьких семей увеличивается за счет больших. Люди женятся – от двух семей отпочковывается третья. Люди разводятся или разъезжаются – одна семья делится на две. Но вот только съезжаются-то чужие люди, а разъезжаются родные... Но разводы – это ладно. Тут хоть более или менее понятны причины – так, во всяком случае, говорят социологи. А вот как понять, почему разъезжаются не муж с женой, а дети с родителями?... Вы помните, какие раньше были столы? Не помните? Но, может, слышали от родителей. Когда за них садилась семья – два, три, четыре поколения, – в этом, знаете, что-то было. А теперь? Не столы – столики. Их ставят на кухне, едят за ними поодиночке, иногда стоя... Нет, я понимаю, семьи растут. Все стремятся к независимости. Это вроде бы естественно: независимость – вещь хорошая. Но знаете, когда уж совсем никто ни от кого не хочет зависеть... Зачем тогда вообще семья – маленькое сообщество близких людей? Они ведь не потому называются близкими, что живут близко. Их ведь ничто не связывает – кроме любви друг к другу. Ну и жилплощади. Раньше говорили – жилищная проблема, тесно, коммунальные квартиры. Да, было. Но сейчас это, в общем, уже перестало быть такой серьезной проблемой. Проблема, следовательно, в другом. В нас самих, наверное. В нашем неумении или нежелании ужиться друг с другом, с родными людьми. Не знаю, может, социологи опять скажут, что и это все соответствует и отражает, но, по-моему, все это грустно, если хотите. Ну, вот посмотрите – типичная московская семья конца прошлого века... *(Отходит, садится в кресло, стоящее сбоку, на авансцене.)*

Игорь. Меня зовут Игорь. Или просто – он.

Галина Аркадьевна *(не отрываясь от логарифмической линейки).* Что он – еще не ужинал?

Игорь. А это моя теща.

Лида *(опустив книгу).* Нет, он еще не хочет.

Игорь. А это моя жена.

Лида *(приподнимается).* Меня зовут Лида. Или просто – Дуся.

Галина Аркадьевна *(продолжая работать).* Что, Дусенька уже пила чай?

Игорь. Дусенька – не знаю, а Лида – пила.

Лида. А это мой муж.

Галина Аркадьевна. Конечно, разве вы что знаете про свою жену. Вот наш папа, когда был жив...

Лида. А это моя мама.

Галина Аркадьевна. Меня зовут Галина Аркадьевна... *(Смотрит на фотографию, стоящую на столе.)*

Игорь. Или...

Галина Аркадьевна. Никаких или. Вот наш папа...

Игорь. А это наш папа. Или пример для подражания. Вот и вся наша семья.

ПДП. Прекрасная семья. Во всяком случае, на первый взгляд, вполне нормальная. Кстати, и сегодня таких сколько угодно. За это время, конечно, многое изменилось, но, в основном, это касается внешних обстоятельств. А вот обстоятельства семейные...

Лида *(встает, подходит к Галине Аркадьевне).* Мам...

Галина Аркадьевна (*не поворачиваясь*). Ну...

Лида. Я хочу тебе что-то сказать.

Галина Аркадьевна (*не отрываясь*). Да...

Лида. У нас будет ребенок.

Галина Аркадьевна (*продолжая считать*). К ужину?

Лида. Что – к ужину?! Ты хоть понимаешь, что я тебе говорю?

Галина Аркадьевна (*не поворачиваясь*). Почему не понимаю. У нас кто-то будет к ужину. Опять спать не дадите со своими танцульками.

Лида. Нет, от тебя можно просто сойти с ума. Я к тебе с таким пришла, а ты... От своей линейки оторваться не можешь. Нет, он прав, когда говорит, что ты...

Игорь (*в зал*). Я не совсем так сказал.

Галина Аркадьевна (*встает*). А почему ты позволяешь ему говорить так о своей матери?

Лида. Я не позволяю. Но иногда он прав.

Галина Аркадьевна. Если бы был жив папа, он бы не позволил, чтобы меня оскорбляли в моем собственном доме.

Лида. Никто тебя не оскорбляет. Но в твоём собственном доме, кстати, ты могла бы быть повнимательнее к своей собственной дочери и к своему собственному зятю.

Галина Аркадьевна. Он не мой собственный. Я его себе не выбирала. Ты меня вообще не спросила, хочу ли я, чтобы ты вышла замуж. А потом вы удивляетесь...

Игорь (*в зал*). Я лично уже не удивляюсь.

Галина Аркадьевна. А потом ты удивляешься, почему я чем-то недовольна.

Лида. Перестань.

Галина Аркадьевна. А я уже перестала. Перестала быть хозяйкой в доме, перестала делать что хочу ходить в чем хочу есть что хочу спать сколько хочу. Я во всем должна оглядываться – а понравится ли это моему дорогому зятю. Конечно, когда в доме чужой мужчина...

Лида. Он не чужой...

Галина Аркадьевна. Поначалу они все не чужие. А вот подожди – пойдут дети.

Лида. Подожди. Недолго уж.

Галина Аркадьевна. Ты зря с этим торопишься. С этим можно не спешить. Поживите, присмотритесь друг к другу...

Лида. Уже присмотрелись.

Галина Аркадьевна. Когда это вы, интересно, успели?

Лида. Месяца два назад. Так врач считает.

Галина Аркадьевна. Позволь, не хочешь ли ты сказать...

Лида. Хочу.

Галина Аркадьевна. И я это узнаю между прочим?

Лида. Я к тебе с этим пришла.

Галина Аркадьевна. Так... Значит, к ужину никого не будет...

Лида. Нет. Можешь успокоиться.

Галина Аркадьевна. Успокоиться? После всего, что я узнала?... (*Отворачивается.*)

Лида. Mamочка, ну что ты? Ну не надо. Ну, все ведь будет хорошо. Я легко все перенесу.

Галина Аркадьевна. Ля?

Лида. Ну не ты же будешь все делать. Ты нам только немного поможешь.

Галина Аркадьевна. Вот-вот. Поможешь. Об этом я и говорю. Значит, все основное мне придется. А вы меня спросили, перед тем как... присмотреться друг к другу вы меня спросили – хочу ли я отказаться от собственной жизни?

Лида. Мама...

Галина Аркадьевна. Мало того, что ты меня тещей сделала, ты теперь еще хочешь, чтобы я бабушкой стала.

Игорь *(в зал)*. Вообще-то ее можно понять.

Галина Аркадьевна. Растишь дочь, отказываешь себе во всем, одна, без отца, думаешь – вот будет помощь на старости лет, вот отрада, вот кто о тебе заботиться будет, а оказывается – все наоборот.

Лида. Но мы же все делаем.

Галина Аркадьевна. Да. Особенно он.

Лида. Но когда же ему – он по вечерам реферирует.

Галина Аркадьевна. Лучше бы мусор выносил.

Игорь *(в зал)*. А чем это лучше?

Галина Аркадьевна машет рукой, отходит, садится на ванну, красит ресницы.

(Лиде) Ну что теща?

Лида. В смысле?

Игорь. В смысле бабушки.

Лида. В ужасе.

Игорь. Она от всего в ужасе, даже от праздников.

Лида. В ее возрасте – согласись...

Игорь. Не соглашусь.

Лида. Перестань острить. Ты совсем не думаешь о ней. А это, между прочим, моя мать.

Игорь. Во-первых, это не между прочим. Я так полагаю, что с этого все началось. Во-вторых, я думаю о ней. Другое дело, что я о ней думаю.

Лида. Тебе все смешочки. А каково мне между вами двумя разрываться.

Игорь. Я говорил – давай разведемся. Родителей надо любить издалека. Чем дальше – тем крепче.

ПДП. Ну вот, об этом я и говорил. Как что – так сразу: давайте разведемся.

Лида. Ну, ты же знаешь, мама об этом и слышать не хочет.

Игорь. Но ситуация теперь для нее меняется.

Лида. Для меня тоже. Раньше она без меня не могла, а теперь я без нее.

Игорь. Она разве сумеет быть нормальной бабушкой? Она же у нас незаменимый работник. Без нее же остановится деловая жизнь страны. Ты спроси ее – она захочет уйти с работы и сидеть с ребенком? Спроси.

Лида. Не смогу. Язык не поворачивается.

Игорь. Ты ничем не рискуешь.

Лида. Я рискую осиротеть. Спроси лучше ты.

Игорь. Ты предпочитаешь овдоветь?

Лида. Не остри.

Игорь. Я не могу с ней об этом говорить. Я враг номер один.

Лида. Враг номер один – ее заместитель. Ты – номер два. Скромнее надо быть.

Игорь. Даже здесь я на втором месте. Ну и семейка. *(Галине Аркадьевне.)* Товарищ теща, как бы руки помыть?

Галина Аркадьевна. А на кухне нельзя?

Игорь. Полотенце и мыло – в ванной.

Галина Аркадьевна. Удивительная бестактность. Человек в собственном доме не может мыться сколько он хочет. Никакого уважения.

Лида. Mamочка, ну при чем здесь уважение? Руки-то надо мыть перед едой. Ты же сама учила.

Игорь. Плоды просвещения.

Галина Аркадьевна. Я тебя не тому учила. (*Подходит к столу.*) Но теперь у тебя другие учителя.

Игорь. Я умываю руки.

Галина Аркадьевна. Пожалуйста, ванная свободна.

Игорь отходит, садится на край ванны, закуривает.

Лида. Мам...

Галина Аркадьевна. Ну...

Лида. Слушай...

Галина Аркадьевна. Слушаю.

Лида. Только давай спокойно, ладно?

Галина Аркадьевна. Что еще он придумал?

Лида. Почему он, по-твоему, я не имею собственного мнения?

Галина Аркадьевна. Имеешь. Только оно очень напоминает чье-то чужое.

Лида. Мама, с тобой стало невозможно.

Галина Аркадьевна. Ничего, недолго еще. Скоро вздохнете.

Лида. Ну как не стыдно! Что ты сегодня, прямо не знаю.

Галина Аркадьевна. Ну, так что там у вас – давай, не стесняйся.

Лида. Ты себя плохо чувствуешь последнее время, ты много работаешь.

Галина Аркадьевна. Тебя это волнует? Скажи пожалуйста. А кто за меня будет работать? Ты вон скоро за себя не сможешь.

Лида. При чем здесь я? У меня это временно. А тебе надо подумать о себе.

Галина Аркадьевна. Или о тебе?

Лида. Господи, почему с тобой стало так трудно говорить?

Галина Аркадьевна. Отвыкла. С мужем ведь проще сговориться. Ну так что у тебя?

Лида. Знаешь, если так, то ничего.

Галина Аркадьевна. Да ты не бойся, я ж понимаю, о чем вы. Чтоб я ушла с работы – так?

Игорь (*в зал*). Вот хватка.

Лида. Ты пойми, еще на год мне дадут отпуск, а потом? Не могут же меня вечно держать в аспирантуре. И тогда что? Все впустую? И диссертация, и все?...

Галина Аркадьевна. А когда ты решила занять ребенка, ты об этом не думала? Или ты сразу на меня рассчитывала? Даже не спросив. Как кукушка: мое, мол, дело родить, а воспитывать – пусть дядя. Так вот. Ничего не выйдет, дорогая. И не надейся. У меня в жизни, слава богу, есть еще интересы, кроме пеленок.

ПДП. Если кто не знает: пеленки – это эволюционный предшественник памперсов.

Лида. А твоя внучка?

Галина Аркадьевна. Она твоя дочка. Я тебя растила без бабушки, и ничего, вырастила. На свою голову. (*Отходит, садится в кресло, берет книгу.*)

Лида. Игорь!

Игорь. Да.

Лида. Что «да» – иди сюда.

Игорь. Помыться спокойно не дадут.

Лида. Почему, интересно, как только ты нужен, ты обязательно чем-нибудь занят.

Игорь. А почему, как только я чем-нибудь займусь, я тут же становлюсь срочно нужен?

Лида. Ты выйдешь, наконец, или нет?

Игорь подходит.

Мама отказалась.

Игорь. Этого следовало ожидать.

Лида. Что же делать?

Игорь. Поискать няню.

Лида. Не смейся, легче маму уговорить.

ПДП подходит к Игорю, катя перед собой детскую коляску.

Игорь. Простите, вы к кому?

ПДП. Я по объявлению. *(В зал)* У нас часть актеров на съемках, часть в отпуске, поэтому мне придется играть их роли.

Лида. Так вы что – няня?

ПДП. Да. А вас что – пол мой пугает, да? По половому признаку няню ищете?

Лида. Да нет, просто... Мы хотели найти кого-то, кто помог бы нам в смысле ухода.

ПДП. Ухода? Я только пришел.

Лида. Но вы разве?..

ПДП. Может, вам мое образование не подходит? У меня высшее техническое. А вам какое надо для вашего мальчика?

Лида. Девочки.

ПДП. Родственники в оккупации были – ничего? А то, пожалуйста, я ведь могу и уйти.

Лида. Да нет, что вы. Вы не волнуйтесь.

ПДП. А я и не волнуюсь. Это вы заикаетесь. Сколько мальчику?

Лида. Девочке.

Игорь. Три месяца.

ПДП. Я больше люблю с мальчиками.

Лида. У нее совсем мужской характер. Она очень молчаливая. Так что вы не бойтесь.

ПДП. Я не люблю, когда дети молчат, это ненормально.

Лида. Нет, иногда она и кричит. Когда ее качают.

ПДП. Да? А я как раз люблю качать, меня это успокаивает. У меня невроз.

Лида. Ну; можно как-то устроиться. Скажем, положить ее в кроватку, а качать коляску.

ПДП. Я не люблю, когда дети лежат в кроватке. Это сковывает меня. Мне надо двигаться, у меня спондилез.

Лида. Но вы же устанете все время двигаться.

ПДП. Почему все время? Вас разве не предупредили в нашей фирме, что я свободен только три дня в неделю? У меня еще кружок в жэке. Вас сколько народу?

Лида. С нами еще мама.

ПДП. Ах вот как?

Лида. Но она работает, ее целый день нет. Да и вечером часто.

ПДП. Жаль, я люблю, когда есть с кем поговорить.

Игорь. Насчет поговорить это вы не сомневайтесь. Это вам будет!

Галина Аркадьевна подходит к кухонному столу, туда же идет, катя перед собой коляску и ПДП. Лида садится за письменный стол, Игорь устраивается работать за обеденным столом.

Галина Аркадьевна. Как сегодня малышка?

ПДП *(качая коляску в продолжение всего разговора).* Ничего, уже поправился.

Галина Аркадьевна. Как поправился? Кто?

ПДП. Наш мальчик.

Галина Аркадьевна. У нас девочка, при чем здесь мальчик!

ПДП. У вас девочка, а у нас мальчик.

Галина Аркадьевна. У кого – у вас?

ПДП. У моей дочки.

Галина Аркадьевна. При чем здесь ваша дочь?

ПДП. Как это при чем, я ее отец.

Галина Аркадьевна. Но спрашиваю-то я вас о нашей девочке, а не о вашей.

ПДП. У нас мальчик.

Галина Аркадьевна. Все равно.

ПДП. Кому как. Я предпочитаю мальчиков.

Галина Аркадьевна. Зачем же вы тогда нянчитесь с чужими девочками?

ПДП. Помогаю дочери, зарабатываю ей на няню.

Галина Аркадьевна. Боже мой! Зачем же так сложно? Не лучше ли самому нянчить собственного внука?

ПДП. Хуже.

Галина Аркадьевна. Бред какой-то. Почему?

ПДП. У меня гипертония. Волноваться нельзя.

Галина Аркадьевна. А чужого нянчить?

ПДП. А за чужого я не волнуюсь. За него вы волнуетесь.

Галина Аркадьевна. Ну знаете, как же так можно: без души – к ребенку?

ПДП. А зачем вам моя душа? Вас вон самих – трое душ. Вам от меня услуга нужна – добрая. Вы и имеете ее согласно преискуранту.

Галина Аркадьевна. И не стыдно вам? А еще дедушка.

ПДП. Если вы меня будете оскорблять при исполнении служебных обязанностей, я уйду.

Галина Аркадьевна. Я не оскорбляю вас, но я отказываюсь вас понимать.

ПДП. Зря отказываетесь. Если вы такая душевная, взяли бы да сами с ним посидели.

Галина Аркадьевна. С ней – у нас девочка.

ПДП. Я вон бросил работу, когда моя родила.

Галина Аркадьевна. Я не знаю, кем вы работали.

ПДП. Зам завкафедрой теплотехники. Какая разница.

Галина Аркадьевна. Большая.

ПДП (*кивая на коляску*). Для нее вы просто бабушка.

Галина Аркадьевна. Ну; хорошо, мы как-нибудь сами уладим наши дела. Без посторонней помощи.

ПДП. Пожалуйста. (*Отходит, садится в кресло.*)

Игорь. Ну вот, уладили. (*Подходит к Галине Аркадьевне.*) Спасибо.

Галина Аркадьевна. А я тут при чем? Привели в дом не пойми кого, а я виновата. Вы бы еще академика пригласили.

Игорь. Выбирать не приходится. Няня – дефицит. С этим надо считаться.

Галина Аркадьевна. А со мной можно не считаться. Конечно, у вашей жены ведь сколько угодно матерей, одну можно и потерять. Не жалко.

Игорь. Ну что вы, жалко.

Галина Аркадьевна (*обращаясь к коляске, сюсюкает*). Ну что, моя маленькая, что, моя сладенькая? Что наши глазоньки красивенькие?

Игорь. Надо ведь как-то помогать Лиде, ей одной трудно.

Галина Аркадьевна (*ребенку*). Ух ты моя красавица, да, да, ну что? (*Игорю.*) Нельзя облегчать жизнь одному за счет другого. (*Ребенку.*) Ну что, мокрая, да? И никто не сменит пеленочки нашей рыбочке, никто не положит сухонькие нашей птичечке.

Игорь (*в зал*). А ведь самое смешное, что так никто и не положит.

Галина Аркадьевна (ребенку). Бросили тебя совсем твои родители, такую сладенькую девочку, никому до тебя дела нет, все на других надеются... (*Игорю.*) Это, между прочим, ваш ребенок, почему надо рассчитывать на кого-то. (*Ребенку.*) Ну, ничего, сейчас тебя мама Галя перепеленает. (*Игорю.*) Скажите Лиде – пусть принесет пеленки.

Игорь (ребенку). Сейчас твой папа пойдет, скажет маме, чтобы она дала пеленки, тогда твоя бабушка – бабушка – тебя перепеленает и скажет папе, чтобы он отнес грязные маме, а у мамы завтра концерт, и что же она, интересно, завтра сыграет. А у папы доклад, и что же он, интересно, завтра доложит...

Галина Аркадьевна (ребенку). А когда делают науку, не делают детей. Или одно, или другое. Правда, любонька?

Игорь (ребенку). А у других девочек и мальчиков, у кого добрые бабушки – бабушки, да, – у тех и одно, и другое.

Галина Аркадьевна (ребенку). А мы не будем ничего отвечать грубым людям, да, моя прелесть, не будем, пусть себе грубят, мы будем не такие, когда вырастем. Ну что, что ты хочешь сказать?

Игорь. Она хочет сказать, что сделать ребенку «угу-гу» и «сюси-пуси» – это не фокус, это может даже чужой.

Галина Аркадьевна. Ах, вот как! Значит, я вам чужая. Ну что ж, по крайней мере, откровенно. (*Лиде.*) Ты слышишь, до чего он договорился? Что я вам враг. Зачем же вы тогда со мной живете? Меняйте квартиру, живите сами, сами ребенка воспитывайте. (*Отходит к телевизору садится.*)

Игорь (вслед ей). Что вы! Кто об этом говорит? Какой обмен?

ПДП. Ну вот опять – чуть что, сразу обмен.

Появляется дама с Бульварного кольца.

Дама. Вы ко мне, деточка?

Игорь. Наверное.

Дама. Пожалуйста, проходите. Только вам не трудно будет надеть тапочки? А то мой паркет... Садитесь, пожалуйста. Хотите чаю? Ну, тогда сигарету? Я, правда, сама не курю теперь. Говорят, никотин на связки действует. Я певица, для меня связки – это... Вот на стене мой портрет, не узнаете? Масло, копия. А руку узнаете? Нет, не мою, конечно, – художника. Ну как же, это... Мой большой друг. Впрочем, не надо имен. Пока художник жив, его личная жизнь не принадлежит народу. В отличие от его искусства. Вы согласны? А вы не человек искусства, нет? Правда, ведь я угадала? У меня профессиональный глаз, я сразу вижу – кто есть кто, как говорят англичане. Вы не были в Англии, нет? А я была на гастролях. Удивительная страна... А мужчины... Все сплошь джентльмены. А какое у них произношение. Вы знаете английский, нет? Нуда, хотя сейчас ведь всех учат. Помните у Гамлета: «ту би ор нот ту би»? А? Какой ритм. А в переводе – быть или не быть. Как барабан ухает... Все-таки Шекспира надо играть в подлиннике, на его родном языке. Вообще в искусстве все должно быть настоящее, подлинное. Я поэтому в кино теперь не снимаюсь – там все понарошку. Я сейчас временно на пенсии, у нас в балете рано дают, за вредность. Очень опасная профессия. Я бы для нас, людей искусства, ввела страховку – на самые уязвимые места, на те, что нас кормят. Певцу – на горло, балерине – на ноги, писателю – на руки... А, да ладно, что это мы все о грустном. Вы шерсть принесли? А то у меня сейчас нету. Давайте я сниму пока с вас мерку, а шерсть вы потом поднесете. Мы что будем вязать – пуловер или жилет?

Игорь. При чем здесь пуловер? Я по обмену пришел.

Дама. Так что же вы сразу не сказали.

Игорь. Я застенчивый.

Дама. Какой вы шутник.

Игорь. Так как насчет обмена? Там сказано, что вы хотите съезжаться.

Дама. Вообще-то хочу. Только не с кем.

Игорь. Но как же – а объявление?

Дама. А как, по-вашему; одинокая интеллигентная женщина может встретить одинокого интеллигентного мужчину?

Игорь. Вы хотите сказать...

Дама. А кто меняется на разъезд? Чаще всего – кто разводится.

Игорь. Вы грандиозная женщина.

Дама. Правда? И к тому же с квартирой. Вы считаете, что у меня есть шансы?

Игорь. Особенно зимой.

Дама. Почему зимой?

Игорь. Вы же еще и вяжете немного.

Дама. Нет, вы определенно шутник.

Игорь. Я – это еще что. Вот у меня теща есть. До свидания.

Дама. Ну раз вы уж пришли, может, я вам что-нибудь свяжу? (*Уходит.*)

Лида (*подходит к Игорю*). Ты не мог не нагрубить, да?

Игорь. И не думал.

Лида. Почему же мама обиделась? Что ты ей сказал?

Игорь. Правду.

Лида. Нашел время. Нам на дачу вот-вот переезжать, а ты нас поссорил. Я же одна не смогу.

Игорь. Я не знаю, в конце концов, это твоя мама, неужели ты не можешь с ней договориться.

Лида. Ты что, не знаешь – она же с чужими лучше, чем со мной.

Игорь. Поговори с дядей Петей, может, она его послушает.

Лида (*ПАП*). Дядя Петя!

ПДП встает, подходит к ней.

Дядя Петь, ну, может, вы с ней поговорите. Я не могу. Я что ни скажу – все не так. Я ей скажу, допустим, сегодня, что коляска голубая, а она скажет – серая. Я завтра скажу что серая, а она – голубая.

Галина Аркадьевна (*подходит к ПДП*). Ты когда-нибудь видел более гнусный цвет у детской коляски? Какой-то грязно-зеленый. Не могли для ребенка что-нибудь голубое достать. Или хотя бы серое.

Игорь отходит к телевизору.

ПДП. Я не понимаю, ну что вы поделить не можете?

Галина Аркадьевна. Вот ты мне скажи – что, твои тоже так к тебе относятся? Потребительски.

ПДП. Ты не сравнивай, я с моими порознь живу.

Галина Аркадьевна. Что ж теперь прикажешь – на улицу идти из собственного дома?

ПДП. Почему на улицу? У вас хорошая квартира, разменяйтесь на две.

Галина Аркадьевна. Да? Чтоб я бросила этот район? Самый центр? Я родилась здесь и хочу здесь умереть. Пусть подождут, недолго уж.

ПДП. Ну перестань, что ты передо мной кокетничаешь? Ты еще молодая баба, мы тебе еще мужа найдем.

Игорь (*в зал*). Хотел бы я посмотреть на этого счастливого.

Галина Аркадьевна. Спасибо. Хватит с меня и зятя.

Лидка. А почему ты на даче не хочешь с нами пожить? Тоже район не подходит?

Галина Аркадьевна. Сама идея. У меня отпуск раз в году.

Лидка. А на даче не отдых?

Галина Аркадьевна. Для меня – нет. Для меня отдых – это когда подают и убирают. И если мне на работе дают путевку в санаторий, то я не собираюсь от нее отказываться.

Лидка. Я тоже буду тебе подавать и убирать. Ты только два раза в неделю отпускай меня в город, у меня семинар. Это же совсем необременительно.

Галина Аркадьевна (ПДП). Ты понял? Другие дети своим матерям путевки достают, а эти отнимают ту что есть.

ПДП. Не горячись, никто у тебя ничего не отнимает. Не захочешь – поедешь в санаторий. Но сначала надо обдумать все.

Лидка. Думайте. *(Отходит, ложится на диван, берет книгу.)*

ПДП. Нескладно все, ей-богу. Три человека, а сговориться не можете.

Галина Аркадьевна. Четыре уж.

ПДП. Ну еще не совсем четыре. Сколько ей?

Галина Аркадьевна. Вчера полгода стукнуло. Большая уже.

ПДП. Да, время несется. Недавно, помнишь, Лидка вот так лежала. В этой же комнате. Только коляска была черная.

Галина Аркадьевна. Белая.

ПДП. Да? И отец так же вот переживал – с кем на дачу ехать, чтоб тебе не одной там сидеть. Все повторяется.

Галина Аркадьевна. Я так одна и жила, кстати.

ПДП. А если б мама была жива, разве она не была бы с тобой?

Галина Аркадьевна. Я бы ей не разрешила. Я бы освободила ее от всего.

ПДП. Да? А от счастья быть бабушкой тоже бы освободила? От радости видеть каждый день, как растет вот такой вот комочек? *(Ребенку, сюсюкая.)* Ну что смотришь, что? Ах ты, моя сладкая, моя мацыпусенькая, моя красавица...

Галина Аркадьевна. Перестань сюсюкать, противно.

ПДП *(ребенку)*. Что, моя косоглазенькая, ну что?

Галина Аркадьевна. Сам ты косоглазенький; ПДПун тебе.

ПДП. А что особенного? Очень даже пикантно. Ты сама, между прочим, в юности косила – забыла?

Галина Аркадьевна. С ума сошел, никогда я не косила.

ПДП. А то я не помню. Очень даже косила, когда волновалась. И ничего. Все при тебе было.

Галина Аркадьевна. Глупости. Наш папа никогда мне этого не говорил.

ПДП. Я подозреваю, что он тебе много чего не говорил.

Галина Аркадьевна. На что ты намекаешь?

ПДП. А я и не намекаю. Я, между прочим, могу и так сказать. Без всяких намеков.

Галина Аркадьевна. Да? Что же это, интересно, ты можешь сказать? Давай не стесняйся.

ПДП. А я и не стесняюсь.

Галина Аркадьевна. Давай, давай, мы послушаем, что это наши родные про нас говорят.

ПДП. А родные на то и существуют, чтобы правду говорить.

Галина Аркадьевна. Ах, вон оно что! Все, значит, мне говорят неправду, а ты скажешь правду. Давай разоблачай.

ПДП. Слушай, чего ты взъелась! Оставь ты меня в покое, ради бога.

Галина Аркадьевна. Ну, правильно – мой покой можно нарушать, можно наговорить бог знает что – это пожалуйста, это запросто. А твой покой – ни-ни. Его не тронь. Хорошенькая психология.

ПДП. Ладно, знаешь, мне это все надоело. У меня дома дел по горло, так что уж...

Галина Аркадьевна. Пожалуйста, пожалуйста. Все же очень заняты, одна я бездельница.

ПДП. Я пошел.

Галина Аркадьевна. Никто не держит.

ПДП. И пойду. А ты займись обменом – они правы, с тобой жить... (*Отходит, садится в кресло.*)

Галина Аркадьевна (*вслед ему*). Им нужно – пусть сами и занимаются. Журнал верни!.. (*Отходит.*)

Лида. Да не нужен нам никакой обмен...

Появляется старик из Чертанова.

Старик. Пожалуйста, проходите. Раздевайтесь.

Лида. Спасибо, я не долго. Пока обратно доберешься... Край Москвы.

Старик. Это Чертаново – край Москвы?

Лида. Может быть, я не точно выразилась. Край Подмосковья.

ПДП (*в зал*). Это было тридцать лет назад – не забудьте.

Старик. Зато какой воздух. И лес рядом.

Лида. А я не волк – мне лес не нужен.

Старик. А что вам нужно? Что бы вы хотели?

Лида. То, что я хотела бы, я уже имею. Сейчас речь идет о том, чтобы я получила то, чего не хочу.

Старик. А конкретно? Я бы мог предложить разные варианты.

Лида. Мне не нужны варианты. Мне нужна квартира.

Старик. Я постараюсь помочь вам что-нибудь подобрать.

Лида. Подбором вариантов занимается, между прочим, обменное бюро, а не частные лица. Оно для того и существует.

ПДП (*в зал*). Раньше были такие – до всяких риелторских фирм.

Старик. Да-да, конечно, кто же спорит. Очень хорошо, что в нашем замечательном городе существует такое замечательное бюро. Вот только...

Лида. Только оно медленно поворачивается, а частные посредники – быстро, да? Оно бесплатно все делает, а вы за деньги, да?

Старик. Что вы, какие деньги, как вам не стыдно. Интеллигентная девушка – а так говорите.

Лида. Знаете, я давно уже не верю в сказки про Деда Мороза.

Старик. Я не знаю, поймете ли вы меня. Это трудно объяснить. Понимаете, я сорок лет работал. Сорок лет. Это, грубо говоря, двенадцать тысяч дней. И все эти двенадцать тысяч дней я был, так сказать, в коллективе, среди людей, и занимался делом. Я бухгалтер-плановик. Вот. А два года назад я ушел на пенсию. Проводили меня на нее. Это было в среду. А в четверг я проснулся в семь часов, как обычно, как двенадцать тысяч раз просыпался... и лег обратно. Вот. У нас с женой дочь, она предложила съехаться, чтобы мы не скучали одни. Но ведь вы знаете, что значит найти подходящий обмен. Я занялся этим и постепенно втянулся. Я ездил, смотрел, видел самых разных людей, это, поверьте, очень интересно. И когда как-то я нашел то, что мы искали, я своим об этом не сказал. Вот. Было жаль, что все кончится, что опять некуда будет утром идти. И так пошло. У меня, знаете, хорошая память. Профессиональная.

И склонность к системе, к порядку. И я стал замечать, что люди плохо ориентируются в этом обилии вариантов и не видят то, что им нужно, хотя это часто в двух шагах от них. И тогда я стал подсказывать, помогать. И часто все дни я совсем по-другому себя чувствовал. Как после удачного годового баланса. Вот. Так что...

Лида. Простите. Я не знала.

Старик. Меня государство обеспечило пенсией. Максимальной, кстати. Мне не деньги нужны. А то, за что их платят. Вот... Так что вы звоните мне – я постараюсь помочь.

Лида. Спасибо. До свидания. *(Садится в кресло.)*

Старик. Всего хорошего. *(Уходит.)*

Галина Аркадьевна. Игорь!

Игорь *(подходит)*. Да. Здравствуйте.

Галина Аркадьевна. Доброе утро. Я вот сегодня ночью думала, всю ночь не спала даже: надо что-то делать с девочкой.

Игорь. В каком смысле?

Галина Аркадьевна. Ей уж год скоро, ей ходить пора начинать.

Игорь. Ну так она пробует потихонечку.

Галина Аркадьевна. Где она пробует?

Игорь. В манеже, где же еще.

Галина Аркадьевна. Это не то. Ей нужен простор.

Игорь. Ну так ведь у нас...

Галина Аркадьевна. Я решила отдать вам свою комнату. Все-таки на десять метров больше.

Игорь. Да, но...

Галина Аркадьевна. Конечно, часть мебели мне придется продать.

Игорь. Но ведь...

Галина Аркадьевна. А ее еще наш папа покупал.

Игорь. Так не стоит тогда, зачем же так себя ущемлять.

Галина Аркадьевна. Что значит – не стоит. А о ребенке вы не думаете?

Игорь. Почему же...

Галина Аркадьевна. Словом, так. Пока я сегодня дома, давайте переставим мебель.

Игорь *(подходит к Лиде)*. Ты слышала?

Лида *(приподнимается)*. Что? Случилось что-нибудь?

Игорь. Еще как.

Лида *(вскакивает)*. С девочкой?

Игорь. Да нет.

Лида *(садится)*. С мамой?

Игорь. Да. Только не пугайся, ничего страшного.

Лида. Что?

Игорь. Перевернулся мир. Солнце всходит на западе, дождь падает на облака, море впадает в реки, я впадаю в детство.

Лида. Что произошло – ты скажешь наконец?

Игорь. Представь что-нибудь самое невероятное!

Лида. В какой сфере?

Игорь. В сфере моей тещи.

Лида. Перестань дурачиться. Что случилось?

Игорь. Ну пожалуйста. Твоя мама, моя теща, бабушка нашей дочки и вдова нашего покойного папы, – спокойно, без нервов – предлагает нам – дыши глубже – поменяться с ней – закрой глаза – комнатами. *(Пауза.)* Можешь открыть. *(Пауза.)* Это я. Ущипнуть?

Лида. Не может быть.

Игорь. Конечно, не может.

Лида. Я просила – она и слышать не хотела.

Игорь. Я тоже, между прочим, как-то намекнул. Намек остался непонятым. Как явно бестактный.

Лида. Все-таки мамочка прелесть. Скажи.

Игорь. Что сказать?

Лида. Что она прелесть.

Игорь. Можно сказать и так. Во всяком случае, с ней не соскучишься.

Лида. А когда намечено великое переселение?

Игорь. Прямо сейчас.

Лида. Значит, так. Диван мы поставим туда. *(Подходит к креслу где сидит Галина Аркадьевна.)* А кресло продадим.

Галина Аркадьевна. Кресло вы не продадите. На нем наш папа сидел.

Лида. Но оно же еле встанет в маленькую комнату.

Галина Аркадьевна. Ну что ж, буду жить в тесноте.

Игорь *(в зал).* И в обиде. *(Галине Аркадьевне.)* Так не делают. Надо взять миллиметровку вычертить на ней план квартиры, вырезать в масштабе мебель и посмотреть – куда что. Иначе только переломаем все.

Галина Аркадьевна. Все это глупости – с вашей миллиметровкой.

Лида. По-моему Игорь дело предлагает.

Галина Аркадьевна. Реконструировать цеха – посложнее дело будет, и ничего, справляюсь. Так что давай – кресло сюда, а диван туда. *(ПАП.)* Помогите, пожалуйста.

С этого момента начинается пантомима «Перестановка». Она идет под музыку. В ней участвуют все находящиеся на сцене персонажи. Кроме того, Галина Аркадьевна заставляет таскать мебель помрежа, оркестрантов, рабочих сцены. Но когда музыка вдруг прекратится, вся мебель окажется там же, где она и стояла вначале, а действующие лица будут сидеть и лежать на своих обычных местах.

Галина Аркадьевна. Ну вот, совсем другое дело. *(Подходит к Аиде.)* У тебя нет какой-нибудь лампы? В этой комнате такая темень, я глаза сломаю.

Лида. А мне казалось, там все видно.

Галина Аркадьевна. Я не знаю, на что вы смотрели. И потом не сравнивай – есть все-таки разница в возрасте.

Лида. Но если ты плохо видишь, почему не носишь очки – тебе ведь врач прописал.

Галина Аркадьевна. То, что мне надо, я вижу.

Лида. Ну хорошо, пожалуйста, возьми наше бра.

Галина Аркадьевна. Мне вашего ничего не надо. Я пока еще, слава богу; в состоянии сама себя содержать и ни от кого не зависеть.

Лида. А так ли уж хорошо это – ни от кого не зависеть?

Галина Аркадьевна. От детей, во всяком случае, хорошо.

Лида. А для чего тогда их растить? Это очень обидно – то, что ты говоришь. А я бы хотела, чтобы ты от меня зависела – как я от тебя раньше. Чтобы я могла сделать для тебя то же, что и ты для меня тогда. Я не про деньги говорю, не только про них, про все. *(Плачет.)*

Галина Аркадьевна *(долго ищет что-то по карманам, кашляет, смотрит в окно).* Ладно, Дусенька, я возьму вашу лампу. *(Вытирает глаза, прячет платок.)* Игорь!

Игорь. Да?

Галина Аркадьевна. Почему никто не думает о здоровье девочки? Опять на меня надеетесь?

Игорь. Что случилось?

Галина Аркадьевна. Вы что – не слышите, как она говорит? Она же не выговаривает несколько букв.

Игорь. Ну и что, это нормально. Поначалу все дети не выговаривают какие-то буквы.

Галина Аркадьевна. Меня не интересуют все дети, меня интересует наш ребенок.

Игорь. Нас, в общем-то, тоже.

Галина Аркадьевна. Незаметно. Вам что – трудно показать девочку логопеду?

Игорь. Нетрудно, но...

Галина Аркадьевна. Так пригласите его к ребенку.

Игорь. Пожалуйста. Если вы так настаиваете. (*ПДП.*) Простите, мне нужен логопед.

ПДП (*подходит*). Это я. Так, у кого тут фефекты буфут?

Галина Аркадьевна. Какие еще фефекты?

ПДП. Фикции.

Игорь. Дикции. Он букву «д» не выговаривает.

ПДП. Да, я букву «ф» не выговариваю. Так, и кто у вас буфет?

Галина Аркадьевна. Какой буфет?

ПДП. Не буфет, я имел в виду: кто у вас буфет – мальчик или февочка?

Лида. Девочка.

ПДП. Прекрасно. Февочки легче поффаются лечению. Буфете приводить ее ко мне фва раза в нефелю. Будем исправлять фикцию.

Галина Аркадьевна. Какую фикцию?

ПДП. Вашего ребенка.

Галина Аркадьевна. У нашего ребенка нет никакой фикции.

ПДП. Да нет, речи фикцию.

Игорь. Дикцию – чего ж непонятного.

Галина Аркадьевна. А-а, да, я забыла. Так бы и сказали.

ПДП. Я так и сказал.

Галина Аркадьевна. А как же вы тогда собираетесь ее исправлять? Фикцию. Нет, простите, дикцию. Если вы сами не выговариваете букву «д».

ПДП. Ну и что? Есть таблицы. Будете возить ее ко мне в поликлинику.

Галина Аркадьевна. В поликлинику?

ПДП. Фа. На улицу кой-кого.

Галина Аркадьевна. Кого – кой-кого? У вас что – подпольный кабинет? Почему вы намеками говорите?

ПДП. Какие уж намеки в нашем возрасте.

Галина Аркадьевна. В вашем – вы хотите сказать. Вы, вероятно, и букву «в» не выговариваете?

ПДП. Да? Простите, это я действительно...

Галина Аркадьевна. Так что за улица?

ПДП. Фисателя. Максима кой-кого.

Игорь. Горького – что ж непонятного. Яснее ясного. Сейчас она называется Тверская.

Галина Аркадьевна. Так вы еще две буквы не выговариваете?

ПДП. Их же трифцать фве.

Игорь. Действительно. Подумаешь, не выговаривает три-четыре. У нас вот комендант всего только три и выговаривает. И ничего – все его понимают.

Лида. У нас в институте завгар не умеет водить машину а преподает в автошколе. И ничего.

Галина Аркадьевна. Да? У нас, правда, тоже... (*Замолкает.*)

Лида. Что у вас?

Галина Аркадьевна. Нет, у нас ничего. У нас все в порядке.

Лида (ПАП). А отчего это у ребенка бывает?

ПДП. Разные причины. Инокфа семейные обстоятельства фействует. А фети очень чувствительны.

Галина Аркадьевна. Это вы опять намекаете? На кой-кого?

ПДП. Фа что вы, помилуйте. Это же общеизвестный факт. У меня у самого внук – пока мы с фочкой не разъехались...

Галина Аркадьевна. Ах вот как.

ПДП. Поменялись. Она теперь на Киевской живет, а я на Киевской.

Лида. На одной улице?

ПДП. На разных. Я на Киевской, а она на Киевской.

Игорь. На Кировской, *(в зал)*. Кто не знает или забыл: Кировская это теперь Мясницкая. Хотя что-то за тридцать лет изменилось...

ПДП. Ну фа, я и говорю – на Киевской.

Галина Аркадьевна. А к чему вы этот разговор завели? Насчет обмена.

ПДП. К слову пришлось.

Галина Аркадьевна. Понятно. К слову. А может, вас мои детки дорогие подготовили?

ПДП. Что вы, помилуйте.

Галина Аркадьевна. Так вот, к слову учтите – из этой квартиры я перееду только на кладбище.

ПДП. Бефный ребенок. А потом уфивляются – откуда берутся фефекты фикции...

ПДП, Лида и Игорь отходят, появляется дядя от тети Зины.

Галина Аркадьевна (дяде). Здравствуйте. Можно войти?

Дядя. Вы от кого?

Галина Аркадьевна. От тети Зины.

Дядя. Простите, это я от тети Зины.

Галина Аркадьевна. Ах да, правда. Я от дяди Пети.

Дядя. То-то же. Он вас предупреждал?

Галина Аркадьевна. О чем?

Дядя. О конспирации.

Галина Аркадьевна. Да, да, конечно.

Дядя. Вас никто не видел, когда вы поднимались?

Галина Аркадьевна. Никто.

Дядя. А если спросят, зачем приходили?

Галина Аркадьевна. Кто?

Дядя. Известно кто.

Галина Аркадьевна. Ну скажу, что...

Дядя. Ни в коем случае. Скажете, что ошиблись адресом, что дома похожи. Они и правда похожи. Ну ладно. Так что у вас есть?

Галина Аркадьевна. Квартира, сорок метров.

Дядя. Вы с ума сошли, никаких слов. Имейте в виду: метраж – это возраст, квартира – это тетя. Говорим о тете. Ясно? Сколько лет тете?

Галина Аркадьевна. Ей? Лет шестьдесят, наверное.

Дядя. Выговорили – сорок.

Галина Аркадьевна. Ах да, я спутала. Сорок.

Дядя. Сколько у вас детей? Это комнат, значит.

Галина Аркадьевна. Двое.

Дядя. То-то. Возраст?

Галина Аркадьевна. Э-э... Двадцать пять и пятнадцать.

Дядя. Младшая – маловата. Молода слишком.

Галина Аркадьевна. Так уж получилось.

Дядя. Я-то понимаю, но пятнадцать лет сейчас плохо котируется. Сейчас все хотят постарше.

Галина Аркадьевна. Странно. Всегда было наоборот.

Дядя. Вы опять забыли?

Галина Аркадьевна. Ну да. Понимаю. Но мы не претендуем на большие... тети. Нас устроят две маленькие. Так сказать, тетеньки.

Дядя. Кстати, а как племянница с мужем живут – вместе или порознь?

Галина Аркадьевна. Что это?

Дядя. Это удобства – совмещенные или отдельные.

Галина Аркадьевна. Ага. Нет.

Дядя. Чего – нет? Удобств? Э-э, племянниц? Из-за вас сам уже бдительность потерял.

Галина Аркадьевна. Да нет, что вы, есть племянница. В кафеле доверху. И муж тоже. Чех он.

Дядя. Как чех? Иностранец?

Галина Аркадьевна. Да. Импортный он. Компактный.

Дядя. Что вы меня путаете?

Галина Аркадьевна. Я – вас? Ничуть. У тети еще и внучка есть. Такая большая, что вполне за дочку сойти может.

Дядя. Подождите. Это вы про что – про кухню, что ли?

Галина Аркадьевна. Тс-с. Никаких слов. Говорим о тете. А ваши внуки, надеюсь, тоже не крошки?

Дядя. А вы дама с перцем. С вами не соскучишься.

Галина Аркадьевна. То же самое говорит мой зять.

Дядя *(после паузы)*. А зять – это что? Лоджия?

Галина Аркадьевна. У кого как. У меня это муж моей дочери.

Дядя. Подождите, подождите. Если дочь – это комната, то ее муж – это что же будет?

Галина Аркадьевна. Я вот и сама иногда думаю – что же? Ничего хорошего, наверное.

Дядя. Слушайте, что вы мне морочите голову своими родственниками? Я вам хочу помочь подобрать вариант, а вы меня путаете.

Галина Аркадьевна. Уж больно легко вас запутать. А говорили, вы опытный маклер.

Дядя. Тс-с, вы сошли с ума. Забудьте это слово.

ПДП. В те годы частный маклер сильно рисковал, это сейчас риелторы ни от кого уже не прячутся – кроме, конечно, обманутых клиентов.

Дядя. Я даже не понимаю, о чем вы говорите.

Галина Аркадьевна. А о чем вы говорите – вы понимаете?

Дядя. Знаете, если бы вы не были дамой, я бы на вас обиделся.

Галина Аркадьевна. Кажется, на это уже можно не делать скидки.

Дядя. А сколько вам лет, что вы так кокетничаете своим возрастом?

Галина Аркадьевна. Около сорока метров.

Дядя. Шутница. А вы одна живете?

Галина Аркадьевна. Нет, с комнатой, взрослой.

Дядя. Слушайте, я не понимаю, что – вы нормально говорить не можете?

Галина Аркадьевна. Не могу. Я тоже законспирирована.

Дядя. Я вас понял. Это то, что нужно. Это то, что она просила. Вот вам адрес, идите туда, останетесь довольны. Передайте привет.

Галина Аркадьевна. От дяди?

Дядя. Нет, от тети.

Галина Аркадьевна. Тети Зины?

Дядя. А как вы догадались?

Галина Аркадьевна. А вы что думаете – резидентами дураков держат?

Дядя. Нет, это будет прекрасный вариант. Он тоже очень остроумный. (*Уходит.*)

Выходит Николай Павлович.

Николай Павлович. Вы к нам? Прошу вас. Чем могу?

Галина Аркадьевна. Я от тети Зины.

Николай Павлович. Простите?

Галина Аркадьевна. От тети Зины я.

Николай Павлович. Ах вот как. Но, видите ли, какая штука, мамы сейчас нет дома, она скоро будет. Вероятно, вам к ней надо.

Галина Аркадьевна. Я не знаю. Я хотела посмотреть, что у вас есть. Это, наверное, и без нее можно.

Николай Павлович. Ах, вы вот насчет чего. Я не понял сразу, извините. Я думал, вы к маме. Конечно, пожалуйста, я вам покажу сам. Только, понимаете, в моей комнате чертовский беспорядок, может, вы подождете, пока я расставлю все, чтоб свет хорошо падал.

Галина Аркадьевна. Но меня, честно говоря, мебель не очень интересует.

Николай Павлович. Конечно. Это я понимаю. Мебель действительно только мешает. Но не выносить же ее.

Галина Аркадьевна. Зачем же?

Николай Павлович. Вы как предпочитаете – в рамках или на подрамники поставить?

Галина Аркадьевна. Что?

Николай Павлович. Картины, с вашего позволения.

Галина Аркадьевна. Какие картины?

Николай Павлович. Что значит – какие? Те, что вы пришли посмотреть.

Галина Аркадьевна. Почему картины?

Николай Павлович. Я не знаю почему. Наверное, потому что я художник.

Галина Аркадьевна. Я ничего не понимаю. А при чем здесь вы?

Николай Павлович. А при чем здесь ваша тетя Зина?

Галина Аркадьевна. Ну сама тетя Зина ни при чем, это правда. Я скорее от ее дяди.

Николай Павлович. Ах вот как – от дяди. И с чем же вы пожаловали от дяди?

Галина Аркадьевна. С приветом.

Николай Павлович. Вот оно что. Любопытно. И кому же он передавал привет?

Галина Аркадьевна. Я не знаю. Вам, наверное.

Николай Павлович. Так, так, очень интересно. Простите, я не слишком вас огорчу, если скажу, что не знаю никакого дяди? И никакой тети тоже.

Галина Аркадьевна. Но тогда, может, ваша мама?

Николай Павлович. Она, конечно, может. Она все может. Но в этом случае вам придется подождать ее – я, так сказать, не в курсе. У меня вообще с родственными чувствами – не очень.

Галина Аркадьевна. Но показать-то вы мне можете и без мамы.

Николай Павлович. Показать? Хм... А что вас интересует?

Галина Аркадьевна. Квартира, конечно.

Николай Павлович. Какая?

Галина Аркадьевна. Эта.

Николай Павлович. Эта? А в каком плане, не сочтите любопытным.

Галина Аркадьевна. В плане обмена.

Николай Павлович. Да... Странный день. С утра, знаете ли, не задался.

Галина Аркадьевна. А вы что – разве не меняете квартиру?

Николай Павлович. Утром еще во всяком случае не собирались.

Галина Аркадьевна. Ну и ну. Значит, он что-то напутал.

Николай Павлович. Кто?

Галина Аркадьевна. Да дядя этот.

Николай Павлович. Ваш дядя?

Галина Аркадьевна. Какой он мой! Я его вообще первый раз видела. Мне его рекомендовали – он в обмене квартир помогает. Неофициально, конечно.

Николай Павлович. Подождите, подождите, я, кажется, догадываюсь, в чем дело.

Галина Аркадьевна. Ну вот – а говорили, не меняйтесь.

Николай Павлович. Догадываться и меняться – не одно и то же, с вашего позволения. Скажите, а вот этот ваш дядя – он такой странный, да?

Галина Аркадьевна. Да, в общем, довольно странный.

Николай Павлович. Намеками все говорит, да?

Галина Аркадьевна. Да.

Николай Павлович. Он. Точно, он. Он был у нас. Это мамин знакомый.

Галина Аркадьевна. Так, может, вы просто не в курсе маминых намерений?

Николай Павлович. Да нет, боюсь, что теперь в курсе.

Галина Аркадьевна. А что такое?

Николай Павлович. Но, к счастью, заговор вовремя раскрыт. И тайные планы кучки интриганов развеяны народным гневом.

Галина Аркадьевна. Слушайте, а может, он ваш дядя? Судя по тому, как вы выражаетесь...

Николай Павлович. Вот так, милая племянница. Ничего у вас не вышло.

Галина Аркадьевна. У кого – у нас? Что не вышло? Бред какой-то.

Николай Павлович. Да здравствует свобода и независимость малых народов.

Галина Аркадьевна. Знаете, я пошла. И привет вам от дяди.

Николай Павлович. Подождите. Я ведь так – в порядке шутки.

Галина Аркадьевна. А если серьезно?

Николай Павлович. А если серьезно, у моей матушки есть одна идея фикс. Она во что бы то ни стало хочет – вы только не сердитесь, ладно, это же не я хочу, – она хочет меня женить.

Галина Аркадьевна. Ну и что?

Николай Павлович. И все время пытается с кем-нибудь меня познакомить. На этот раз – при содействии вашего дяди.

Галина Аркадьевна. Вы разыгрываете меня?

Николай Павлович. Ничуть.

Галина Аркадьевна. Но как же это может быть, чтобы взрослые люди занимались такими недостойными вещами? Вам-то не стыдно – идти на такое?

Николай Павлович. Мне? А я никуда не иду. Это, простите, вы пришли.

Галина Аркадьевна. Вы... Вы... Вы знаете, кто вы?

Николай Павлович. Знаю, конечно. Не очень молодой, не очень удачливый художник.

Галина Аркадьевна. Хуже. Вы не очень молодой и не очень удачливый павиан. И все, и счастливо оставаться вместе с вашей матушкой, дядями, тетями и невестами.

Николай Павлович. Минутку... Погодите. Может, вы все-таки посмотрите, коли уж пришли.

Галина Аркадьевна. Меня не интересует ваша квартира.

Николай Павлович. Да нет, картины.

Галина Аркадьевна. Могу себе представить.

Николай Павлович. Нет, нет, с этим все в порядке, я не рисую голых женщин. (*Уходит.*)

Галина Аркадьевна (*Лиде*). Я больше не могу. Это не для моего возраста. Лучше уж спичечные коробки собирать – толку столько же.

Игорь (*Лиде*). Не знаю, как ты, а я лично – все. Я уж наменялся на всю жизнь. Лучше вместе с тещей жить.

Лида (*Галине Аркадьевне*). Зато ты познакомилась с разными интересными людьми. К миру искусства приобщилась. Изобразительного. Слова вон какие произносить стала – гуашь, темпера... С ума сойти.

Галина Аркадьевна. Еще один обмен, и я не такое скажу.

Лида. Слушай, а может, это и правда неплохая идея была, а?

Галина Аркадьевна. Какая идея?

Лида. Ну, твоего дяди этого. Может, тебе и вправду замуж выйти? В салоны ходить будешь, на вернисажи. Сила.

Галина Аркадьевна. Что еще, интересно, можно услышать от собственной дочери? Только гадость какую-нибудь.

Лида. Почему гадость? Что, по-твоему, никто второй раз замуж не выходит?

Галина Аркадьевна. Ты на все согласна, только чтобы избавиться от меня. Даже чтобы я вышла за первого встречного.

Игорь. Скорее, за последнего. Если быть точным.

Галина Аркадьевна. Так вот, забудьте об этом, дорогие. Не будет этого никогда.

Антракт

Действие второе

Та же обстановка. Галина Аркадьевна работает за столом, Николай Павлович рисует. Изольда Тихоновна смотрит телевизор. ПДП выходит на авансцену.

ПДП. Все-таки наша жизнь полна противоречий. Я, как и вы, наверное, много раз говорил всем вокруг и себе, что мечтал бы жить в маленьком городе, где люди на работу и с работы ходят пешком. Но стоит мне приехать на гастроли в такой город, я очень скоро обнаруживаю, что мне в нем тесно. Мне некуда ехать – театр напротив гостиницы, я впадаю в хандру, и только когда догадываюсь сесть в автобус, который довозит меня до вокзала, а потом в другой, который привозит меня обратно к театру, я прихожу на спектакль в хорошей форме... И я, как и вы, наверное, часто ругаю свой мобильный телефон, жалуюсь, что он не дает мне спокойно жить, но стоит ему замолчать хотя бы на час, я как затравленный смотрю на него в ожидании хоть какого-нибудь звонка, пусть даже по ошибке. И только когда я договариваюсь с соседями, что мы будем звонить друг другу хотя бы несколько раз в ночь, я успокаиваюсь и хорошо сплю... Поэтому когда я слышу, как кто-то убежденно говорит, что он никогда, ни за что на свете чего-то там не сделает... Помните, что заявила Галина Аркадьевна по поводу своего замужества? Ну, а что на самом деле?

ПДП садится в кресло, Галина Аркадьевна отрывается от работы.

Галина Аркадьевна. Меня теперь зовут Галочкой.

Николай Павлович. Галочка, ты что делаешь?

Галина Аркадьевна. Это мой муж. Но некоторые предпочитают называть меня – она.

Изольда Тихоновна. Что, она уже пила чай?

Галина Аркадьевна. Это моя свекровь.

Николай Павлович. Нет, ма, Галочка тебя ждала.

Галина Аркадьевна *(в зал).* Дожила.

Изольда Тихоновна. Скажи ей, что я уже готова.

Николай Павлович. Галочка, ты не хочешь чаю?

Галина Аркадьевна *(в зал).* В переводе это означает – завари его. *(Встает, подходит к столу, к ней подходит Николай Павлович.)*

Николай Павлович. Ты не очень устала сегодня?

Галина Аркадьевна. А что?

Николай Павлович. Я бы хотел, чтобы ты немного попозировала.

Галина Аркадьевна. Сколько можно. Ты уже нарисовал двенадцать моих портретов.

Николай Павлович. Это эскизы. Это еще не то.

Галина Аркадьевна. По-моему, очень похоже.

Николай Павлович. Внешне. Мне бы хотелось выявить в модели внутреннее содержание.

Галина Аркадьевна. Так, я уже для тебя модель. Быстро.

Николай Павлович. В этом нет ничего обидного, это просто термин.

Галина Аркадьевна. Думаешь, женщине приятно, когда ее называют всякими терминами?

Подходит Изольда Тихоновна, садится в центре стола. Галина Аркадьевна и Николай Павлович располагаются справа и слева от нее.

Изоolda Тихоновна. Холодный чай.

Николай Тихонович. Галочка только заварила.

Изоolda Тихоновна. Надо было чайник кипятком ополоснуть.

Николай Павлович. Галочка ополаскивала.

Изоolda Тихоновна. А ты откуда знаешь?

Николай Павлович. Видел.

Изоolda Тихоновна. А наш папа, между прочим, никогда не болтался на кухне. Это не мужское дело.

ПДП (Изоолде Тихоновне). Заваривать чай, кстати, это как раз мужское дело.

Изоolda Тихоновна (ПАП). Если у вас нет других дел. Мужчина должен работать. Все остальное в доме – дело женщины.

Галина Аркадьевна. А если женщина сама работает? Что тогда должен делать мужчина в доме?

Изоolda Тихоновна. Стараться не стать женщиной. В доме не может быть две главы.

Николай Павлович. Ма, по-моему, ты несколько отстала. В современной семье каждый, кто работает, сам себе голова.

Изоolda Тихоновна. Не знаю, странно все это. У нас не так было.

Галина Аркадьевна (в зал). Вроде я уже где-то слышала эту фразу.

Изоolda Тихоновна. Николаша, я хочу тебя спросить. Ты уже кончил рисовать ту улицу, что собираются ломать?

Николай Павлович. Что ты, ма. Только начал.

Изоolda Тихоновна. Раньше ты работал быстрее. Не понимаю, что тебе теперь мешает.

Галина Аркадьевна. Действительно. Можно подумать, что ты женат.

Изоolda Тихоновна. Я, между прочим, нашему папе никогда не мешала работать.

Николай Павлович. Но и Галочка мне совершенно не мешает.

Изоolda Тихоновна. Не мешать – еще не значит помогать.

Галина Аркадьевна. Чем? Кисти держать?

Изоolda Тихоновна. Кисти он еще и сам в состоянии удержать. Вы бы могли, например, достать план реконструкции Москвы.

Галина Аркадьевна. План? Зачем?

Изоolda Тихоновна. Затем, что хватит вслепую работать. Не мальчик уж.

Николай Павлович. Ма, я не понимаю, о чем ты.

Изоolda Тихоновна. Раньше ты понимал меня. *(Галине Аркадьевне.)* Вы знаете, что рисует ваш муж?

Галина Аркадьевна. Картины.

Изоolda Тихоновна. Картины? Так вот, к вашему сведению, он уже сорок лет рисует старую Москву. Домики, дворики, флигелечки, улочки. В основном – в районе Арбата, далеко я его не отпускала. Тридцать лет он рисовал себе это и рисовал, и никому это не было нужно. Конечно, зачем покупать картину, когда есть – как это – обскур камера.

Николай Павлович. Фотоаппарат.

Изоolda Тихоновна. Аппарат. Нажал себе кнопку – и ты имеешь этот самый домик или дворик. А потом, в один прекрасный день, какой-то умный человек решил построить новый Арбат, а другой умный человек предложил для этого сломать старый Арбат. И все тут вокруг сломали. И знаете, что тогда выяснилось? Что картины моего сына имеют большую художественную и историческую ценность.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изоolda Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Потому что на них было изображено то, чего уже не было в действительности. И каждый хотел иметь на память то, чего уже нет, и мы

имели много предложений, даже от иностранцев, даже в валюте. Но мы патриоты, и я сказала моему сыну, что ни один его холст не должен быть вывезен за рубеж. Как народное достояние.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. А потом я прочла в газете, что еще один умный человек предложил построить еще один новый проспект и для этого сломать еще один старый район. И я сказала моему сыну – иди и рисуй. И побыстрее, пока они не перевыполнили план и не сломали все досрочно. Что-что, а ломать у нас умеют быстро.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Я патриотка не меньше твоего, но то, что ломать легче, чем строить, это знает даже дурак. Поэтому ты сейчас должен работать день и ночь. А если бы у тебя был план реконструкции, ты бы все сделал загодя. Нельзя в наше время быть стихийным художником. Нужно заранее знать, что увековечивать. Вечное не терпит спешки.

Галина Аркадьевна. Но почему вы думаете, что на этот самый район будет такой же спрос, как на старый Арбат. Все-таки в архитектурном отношении...

Изольда Тихоновна. Вы знаете, что там за дома были до революции?

Галина Аркадьевна. До революции – не знаю.

Изольда Тихоновна. Надеюсь. Там были дома свиданий, к вашему сведению. Зачем им красота снаружи, хотела бы я знать?

Галина Аркадьевна. Но помилуйте, зачем же Коле рисовать эту гадость?

Изольда Тихоновна. Во-первых, не рисовать, а отображать. Во-вторых, это не гадость, а наше прошлое. А прошлое нужно всем – и городу; и человеку, каким бы оно ни было.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Вы, например, уже ведь были замужем.

Галина Аркадьевна. Ну и что?

Изольда Тихоновна. Вот и я говорю – ну и что? У всех есть свое прошлое. К тому же Коляшиной работой уже интересовались.

Николай Павлович. Кто?

Изольда Тихоновна. Из журнала. Какой-то корреспондент. (ПДП.) Это вы звонили?

ПДП. Да, я. (Встает, подходит к Николаю Павловичу.)

Галина Аркадьевна и Изольда Тихоновна отходят.

Редакция поручила мне взять у вас интервью и несколько новых рисунков.

Николай Павлович. К вашим услугам.

ПДП. Прежде всего, чем знаменателен для вас прошедший год?

Николай Павлович. Моей женитьбой.

ПДП. Нет, не в этом плане. Это для широкого читателя узко.

Николай Павлович. Для меня – нет. Это придает мне силы.

ПДП. А разве не могло бы придать вам силы какое-нибудь общественно значимое событие, скажем, поворот северных рек или полет на Марс?

Николай Павлович. Могло бы, наверное. Если бы я при этом присутствовал.

ПДП. Может, мы тогда так и скажем?

Николай Павлович. Нет, мы так не скажем. Мы скажем так, как я сказал.

ПДП. Но ваша женитьба – это лишь факт вашей биографии.

Николай Павлович. А вы полагаете, творчество художника не связано с его биографией? И она никому не интересна?

ПДП. Интересна. Но, как правило, после смерти.

Николай Павлович. Ну что ж, подождите немного.

ПДП. Не могу у нас номер стоит.

Николай Павлович. Тогда ничем не могу вам помочь.

ПДП. А каковы ваши творческие задумки? Над чем вы собираетесь работать в текущем году?

Николай Павлович. Над портретом моей жены.

ПДП. Ну это слишком мелко для такого крупного мастера.

Николай Павлович. А для Рембрандта Саския – не мелко?

ПДП. Кто?

Николай Павлович. Саския. Жена его.

ПДП. Зачем сравнивать. У нас с вами, надо полагать, другие представления о предмете искусства.

Николай Павлович. Хотите поссорить меня с Рембрандтом? У нас с ним одни представления.

ПДП. Как это поссорить? Он же умер.

Николай Павлович. Лишь в известном смысле.

ПДП. Ну да, это конечно. Так как насчет планов? Могу я сказать, что вы собираетесь создать образ нашего современника?

Николай Павлович. Пожалуй.

ПДП. Вот это уже другое дело. *(Лихорадочно пишет.)* Человека, который активно участвует в строительстве новой жизни?

Николай Павлович. Именно.

ПДП. Так. А чем он вам дорог?

Николай Павлович. Кто «он»?

ПДП. Ваш герой нашего времени.

Николай Павлович. Чем дорог? Всем.

ПДП. А подробнее.

Николай Павлович *(поглядывая на Талину Аркадьевну).* Каждой черточкой лица. Каждым жестом. Всем, что говорит. И тем, как говорит. Даже звуком голоса. Даже тем, что других, быть может, раздражает.

Галина Аркадьевна. Перестань.

ПДП. Спасибо. По-своему, очень красочно. И как-то волнительно. И чем-то даже проникновенно. Я только немного подредактирую – чтоб свежести придать.

Николай Павлович. Придавайте. Только не простудитесь.

ПДП. Заголовок статьи – «Саския в спецовке». Грандиозно! *(Отходит, садится в кресло.)*

Галина Аркадьевна подходит к Николаю Павловичу.

Галина Аркадьевна. Ну для кого ты это все?

Николай Павлович. Для тебя.

Галина Аркадьевна. А если мама слышала?

Николай Павлович. Ну и что?

Галина Аркадьевна. Вряд ли ей это приятно.

Николай Павлович. А тебе?

Галина Аркадьевна. Мне... Я как-то случайно услышала, как Лида говорила с Игорем. Ну, всякие там слова. Всю ночь проплакала.

Николай Павлович. Ревность?

Галина Аркадьевна. Не знаю. Я чувствовала, что уже им не нужна, что даже мешаю. А признаться себе в этом не хотела. Нет, я, конечно, делала для них что могла, ломала свои привычки. А с комнатой... А, да что говорить...

Изольда Тихоновна (*встает, подходит*). Николаша, ты знаешь, что я решила? Я отдам вам свою комнату; а сама перейду в маленькую.

Николай Павлович. Что ты, ма, это совершенно лишнее. Нам хорошо и в моей.

Изольда Тихоновна. Вам, может, и хорошо. А вот тебе – плохо. Ты же не один теперь в ней. Не спорь, я мать, я лучше знаю.

Галина Аркадьевна. Но ведь мы тоже не дети малые, что же, у нас своего мнения быть не может?

Изольда Тихоновна. Что вы такого видели в жизни, хотела бы я знать! Вы с мое поживите. Девчонка, вместо благодарности – спорит. (*Отходит, садится на диван.*)

Галина Аркадьевна. Это я девчонка? Коля, ты как хочешь, но нам вместе лучше не жить. Я понимаю, что это твоя мать, но я сама мать – и я никогда не стала бы заставлять свою дочь жить по моей мерке.

Николай Павлович. Но что же делать? Я не могу оставить ее одну.

Галина Аркадьевна. Надо найти две квартиры рядом, может, даже в одном доме. Но я не хочу и не могу слышать, как мне вечно ставят в пример или себя, или вашего папу. Это твой отец, и я его, конечно, очень уважаю, но я в конце концов тоже не сирота, у меня тоже были родители. Почему я должна ему подражать?

Изольда Тихоновна (*обернувшись*). И если вам вдруг придет в голову какая-нибудь глупость насчет обмена, то имейте в виду, что из этой квартиры я сама, своими ногами, не уйду. Вы меня поняли, да?

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Скажи своей молодой жене, что она может немного подождать. Не так уж долго осталось. (*Отворачивается.*)

Николай Павлович. Ну, ты слышишь?

Галина Аркадьевна. Слышу.

Николай Павлович. Ну и что?

Галина Аркадьевна. По-моему я это уже где-то слышала, не помню только – где. (*Отходит, садится.*)

Выходит Тип из Мневников.

Николай Павлович. Можно? Я по объявлению.

Тип (*долго и мучительно соображает перед каждой фразой*). Чего объявляли-то?

Николай Павлович. Насчет обмена. Вы объявление давали?

Тип. Обмена? Пожалуйста. Махнемся не глядя.

Николай Павлович. Квартиру вы разве не меняете?

Тип. Квартиру? Какую?

Николай Павлович. Ну и ну. Ладно, раз не меняете...

Тип. Погодь, погодь. Ты чего? Сейчас чего-нибудь сменяем. Ты один?

Николай Павлович. Да, а что?

Тип. Трое было бы.

Николай Павлович. Я пойду. Ошибся, наверное.

Тип. Да погоди ты. Пойду... пойду... Разошелся. Ты толком скажи – чего меняем-то. Может, я запомнил.

Николай Павлович. Ничего себе, не помнить, что вы меняете квартиру.

Тип. Ах, квартиру... Так бы сразу и сказал.

Николай Павлович. Ну так что – вспомнили?

Тип. Вмиг.

Николай Павлович. Эта квартира?

Тип. Квартира.

Николай Павлович. Я понимаю, что квартира. Ее меняете?

Тип. На что?

Николай Павлович. На большую, на что.

Тип. На большую – эту? Не глядя.

Николай Павлович. Да нет, не глядя не выйдет. Я как раз хочу посмотреть.

Тип. Смотреть? Пожалуйста. Мы от людей ничего не скрываем, Все честно заработано. А костюм – мой. Хочу – ношу хочу – продал. А если она говорит, что...

Николай Павлович. А вторая квартира где?

Тип. Какая – твоя?

Николай Павлович. Где моя – я знаю. Я про вашу спрашиваю.

Тип. А у меня одна, кажись. Я не этот ведь, не рокфор... Нет, по-другому на пропеллер похож.

Николай Павлович. Рокфеллер?

Тип. Во. Он самый. Так вот, я не он самый.

Николай Павлович. Но написано в объявлении, что меняете вы две на одну.

Тип. Ну, раз написано... У нас зря не пишут. Бери обе, черт с ними. Зачем мне две?

Николай Павлович. Ну, а в каком районе вторая? Ее посмотреть надо бы.

Тип. Ну, раз надо... А где она?

Николай Павлович. Ну и набрался – даже не помнишь, с кем съезжаешься.

Тип. Ах, съезжаешься... Так бы и сказал. Ну, теперь все. Вспомнил. Съезжаюсь. Точно. А то, понимаешь, ездить ей, видишь ли, далеко.

Николай Павлович. А где она живет?

Тип. Клавка, что ль?

Николай Павлович. Я не знаю, с кем вы съезжаетесь.

Тип. Ишь ты какой – адрес ему... Я за Клавку – знаешь... Ты не гляди, что я такой спокойный, я в душе, знаешь, как этот... Как его? Гамлет. Нет, не Гамлет. Гамлет – он белый. А тот черный. Ну... Его еще играл этот... который после первой не закусывал.

Николай Павлович. Где не закусывал?

Тип. В кино.

Николай Павлович. В каком?

Тип. В другом.

Николай Павлович. В каком другом?

Тип. Ну этот, который ее там задушил, он здесь – не закусывал. После первой. И после второй тоже.

Николай Павлович. Отелло, что ли?

Тип. Во-во. Он. Вспомнил. Точно. У меня память знаешь какая? Будь-будь. Я в лицо кого увижу – все. Вот тебя если увижу...

Николай Павлович. Меня как раз вы больше не увидите.

ТИП уходит.

Николай Павлович (*Галине Аркадьевне*). Знаешь, у меня идея. Возьмем собачку.

Галина Аркадьевна. Собачку? Зачем? Мало нам друг друга?

Николай Павлович. Ты не понимаешь. Маме надо о ком-то заботиться. Я из-под ее опеки частично ушел. Так пусть хоть будет собачка.

Галина Аркадьевна. Вместо тебя?

Николай Павлович. Будете с мамой за ней ухаживать. Это вас сблизит.

Галина Аркадьевна. Ты уверен?

Николай Павлович. Конечно. Мама обожает животных. (*Отходит, садится в кресло, играет поводком.*)

Изольда Тихоновна (*подходит к Галине Аркадьевне*). Слушайте, эта проклятая собака, кажется, съела мой чулок. Вы не видели мой чулок?

Галина Аркадьевна. Но как она могла съесть его? Она же еще маленькая.

Изольда Тихоновна. Ничего себе маленькая – три месяца. Она уже ест больше Коляши. Я не успеваю на нее готовить. Вы совершенно не считаетесь с моим возрастом.

Галина Аркадьевна. Но какая прелесть, вы только посмотрите, какая умница.

Изольда Тихоновна. Она, может, и умница. А я вот дура, что согласилась на эту авантюру. А то вы – на работу, Коля – на этюды, а я – ей на растерзание. Разве мне это под силу?

Галина Аркадьевна. Ничего, скоро лето, поедem на дачу, там вам легче будет.

Изольда Тихоновна. На дачу? Да вы что, я туда уже тридцать лет не езжу, на эту голгофу, и теперь не собираюсь.

Галина Аркадьевна. Но понимаете, песику хорошо бы летом побыть на природе, побегать. И вам, кстати, тоже.

Изольда Тихоновна. Побегать?

Галина Аркадьевна. Мы же с Колей помогать вам будем.

Изольда Тихоновна. Вот именно помогать. Значит, все основное я буду везти на себе. Спасибо, дорогая, если вам животное дороже человека, бегайте сами. Я хочу умереть своей смертью. Кстати, о смерти, – Николаша, ты молоко купил?

Николай Павлович. Нет еще.

Изольда Тихоновна. Конечно. Тебя за смертью хорошо посылать. Живодеры. А чем, интересно, я буду кормить этого крокодила? Ладно, если вам наплевать на молодое животное и на старого человека, сама схожу.

Галина Аркадьевна. Что вы, ни в коем случае, я пойду.

Изольда Тихоновна. Вы пойдете по своим делам. Вам надо поточную линию автоматизировать? Вот и идите и автоматизируйте ее. Если у нас уже нет мужчин, чтобы это сделать. А я вместо вас пройду с вашим песиком. (*Подходит к Николаю Павловичу, берет у него поводок. Сюсюкает.*) Что, моя сладенькая, что, моя дурашка лохматенькая, что, мой крокодильчик умненький...

Галина Аркадьевна. Почему это взрослые люди, как только начинают говорить с детьми или собаками, превращаются в каких-то прямо слабоумных.

Изольда Тихоновна. Могу себе представить, как вы разговаривали со своей внучкой. Как на производственном совещании, наверное. Бедный ребенок. Теперь за животное взялись. Между прочим, не гуляйте с ней перед домом, управдом мне сцены устраивает.

Галина Аркадьевна. А где же мне с ней гулять прикажете?

Изольда Тихоновна. В скверике, за домом.

Галина Аркадьевна. Это далеко. Мне некогда перед работой. И потом, тут все с собаками гуляют.

Изольда Тихоновна. Я не знаю, что он говорит другим собакам, но то, что он говорит мне как ответственному квартиросъемщику, я слушать не желаю.

Подходит ПДП.

Изольда Тихоновна. Почему вы все это мне говорите? Это не моя собака.

ПДП. Но невестка-то ваша.

Изольда Тихоновна. Вот именно. С меня и этого хватит. Сами с ней говорите. (*Отходит.*)

ПДП (*подходит к Галине Аркадьевне*). Между прочим, некрасиво.

Галина Аркадьевна. Что некрасиво?

ПДП. Культурный человек вроде. Ответственный работник.

Галина Аркадьевна. Что же в этом некрасивого?

ПДП. А оправляетесь возле дома.

Галина Аркадьевна. Я?!

ПДП. Вы – не знаю, не видел, не скажу. А собачку вашу видел. И скажу. И закрывать на это глаза не могу. Была б она тут одна. А то вас – целая стая. Глаз не хватит закрывать.

Галина Аркадьевна. Но ей же всего полгодика. Куда же мне с ней идти? А тут пустырь, тут никто не гуляет, не ходит.

ПДП. Это уже не пустырь. Это уже объект. Там спортплощадка запроектирована.

Галина Аркадьевна. Для кого?

ПДП. Для вас.

Галина Аркадьевна. Для кого, для нас?

ПДП. Для престарелых. Кто от инфаркта бегают. Без собак, конечно.

Галина Аркадьевна. Но до этого, пока не построят, почему же нельзя пользоваться пустырем?

ПДП. Вы где живете – знаете?

Галина Аркадьевна. Знаю, знаю.

ПДП. Плохо знаете. Вы в образцовом городе живете. А образцовому городу нужен образцовый порядок. А где я его возьму, когда тут собак поразводили? А потом мне же их на шею вешают. Так что давайте платите штраф, а собачку вашу – от греха подальше.

Галина Аркадьевна. Как это – подальше?

ПДП. Продайте или подарите кому-нибудь.

Галина Аркадьевна. Интересно. А им, значит, можно собак, в другом районе?

ПДП. А нас другой район не интересует. Каждый вносит свой вклад на своем месте. Вот я свой вклад внесу, а они пусть уж свой сами вносят.

Галина Аркадьевна. Знаете, я думаю: пока у нас за порядком следят такие блюстители, как вы, образцовым он не станет.

Николай Павлович (*подходит*). Что тут за прения?

ПДП. Говорят, у художников глаз – ватерпас. Что же вы не разглядели, змею пригрили. И еще без прописки. Ну, ничего, общественность, она среагирует, она создаст атмосферу нетерпимости. (*Отходит, садится в кресло.*)

Николай Павлович. Мерзкий тип.

Галина Аркадьевна. Как вы его терпите? Его гнать надо.

Николай Павлович. Смотри, оказывается, какая ты боевая! Никогда бы не подумал. А я тебя – все акварелью, акварелью. А тебя ведь надо – темперой.

Изольда Тихоновна (*подходит*). Я сейчас была в гастрономе, цыплят давали. Почти без очереди.

Галина Аркадьевна. Но ведь я вчера уже привезла цыплят из нашего буфета.

Изольда Тихоновна. Сравнили – из какого-то буфета или из гастронома. А цыплята мне все пригодятся, у меня в субботу день рождения, если вы еще не забыли. Конечно, это не для всех праздник.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. И твоя жена тоже. (*Отходит.*)

Галина Аркадьевна. Это немыслимо. Надо размениваться.

Николай Павлович. Попробуй поищи что-нибудь около завода.

Галина Аркадьевна. А ты не можешь?

Николай Павлович. Что ты. Если мама узнает...

Галина Аркадьевна. Ну, конечно, – мне ведь терять нечего.

Николай Павлович отходит. Появляется женщина из Зюзина.

Женщина (Галине Аркадьевне). Смотрите, смотрите, конечно. Только чего смотреть – все едино. Коробка и коробка. С дыркой для света.

Галина Аркадьевна. Ну почему – планировка.

Женщина. Главное – чтоб отдельная, чтоб никого не видеть. За день столько перед глазами намелькает, к вечеру только и мечтаешь одной побыть.

Галина Аркадьевна. А вы кем работаете?

Женщина. Мы-то? Мы все больше продавцами. Не всем же спутники запускать.

Галина Аркадьевна. Вы так говорите, словно кто-то виноват в этом. Если вам не нравится ваша работа...

Женщина. Мне-то? Мне нравится. Это другим она не нравится, считают, что за прилавком одни жулики стоят. А я так думаю, что это еще неизвестно, где их больше – по какую сторону прилавка. Ладно, не обращайтесь внимания. Это я по горечи. Вы с кем разъезжаетесь – с мужем небось?

Галина Аркадьевна. Нет, с его мамой.

Женщина. Мужика, значит, не поделили. Тогда правильно. Так и надо. Свекровь, она все одно никуда не денется, а мужик – он и ручкой сделать может. Если сильно припечет.

Галина Аркадьевна. Дело не в «ручке». Просто тяжело все это. Меж двух огней.

Женщина. Правильно, правильно. Вы молодец, вы мужика-то берегите. А то потом спохватишься – поздно будет. Я раньше тоже так думала, как все, – подумаешь, делов-то. Раньше, бывало, соберемся после смены – чайку попить или чего покрепче, и начинается – а у меня, а мой – и пошло-поехало. Послушать, так выходит, все с бегемотами живут, не иначе. Чего, спрашивается, живут, если так плохо. А попробуй отними этого бегемота – горло перегрызут. Что ты! Правда, потом, когда годиков-то поприбавилось, поутихли немного. А может, чего понимать больше стали. Я раньше своего и вовсе не понимала – сидит себе и сидит. Тихо так сидит и куда-то в себя смотрит, будто видит там чего. Я злилась, конечно, чего это он там, в себе, разглядывает, чего я не знаю. Он у меня ведь вообще такой – из интеллигентных. У него отец доцент и мать тоже – переводчица. И они, конечно, против меня были жутко как. Когда он со мной сошелся, они вроде как от дома его отлучили, не разговаривали. Ну кто я – продавщица простая, разве пара ему. А у меня ведь еще и ребенок от первого мужа, мальчуган. А он взял да назло им и говорит: давай, говорит, распишемся и ребенка, говорит, давай усыновлю. А я же вижу, что он просто назло им, по горячке, и не соглашаюсь. Живи, говорю, так, чем тебе плохо. А он – да нет, говорит, не плохо, но по-свински получается, не люблю я, мол, этого. Он не любит. Но я держу характер, ни в какую, значит. А он еще больше распаляется, в азарт вошел. Ну и хорошо, думаю, ну и пусть, крепче любить будет. Да честно говоря, даже и не знаю теперь, хотела ли штамп ставить. И хотела вроде, и боялась. Сглазить боялась. У нас и так все хорошо было. Всю дорогу. И чем дальше, тем все лучше. А потом вдруг как гром... Ну, побаливало немного, думали, может, аппендицит какой или там язва. А тут как раз вызывают в поликлинику. Я сначала не поняла – куда и зачем, написано, кабинет такой-то. Прихожу, а это онкологический. Вы, спрашивают, жена такого-то? А я и не знаю, что сказать. Какая, говорю, жена, мы не расписаны. А он назвал вас, говорят, как жену. Ну, говорю, раз назвал, значит, так и есть. Ну она и выкладывает все мне. И говорит – без операции никак. Да и с операцией. Запущено больно. Но все равно, говорит, попробовать надо. Шанс, говорит, есть. Помогите нам уговорить его, он не хочет ложиться в больницу. Они ж ему не сказали полностью, в чем дело. Сказали, мол, просто какая-то киста безобидная. Мол, чик ее – и все. Но он понял, конечно, все, он у меня вообще очень про все понятливый. Я сначала проревела сутки, отгул даже взяла, его к себе отправила, у него своя квартира, чтоб не видел, в каком

красивом я виде. А на другой день завела вроде бы так, к слову, разговор про больницу, и так все – шуткой, шуткой, вроде бы я тоже думаю, что просто пустяки все это, а не операция, как родинку удалить. Говорю ему – хочешь, я тоже за компанию лягу, у меня под лопаткой родинка большая. А он и говорит – я, говорит, лягу в клинику при одном условии – если ты со мной распишешься и обменяешь две наши квартиры на одну. Я ему говорю, что, если не дай бог что, то мне ничего и не надо. Мне и раньше ничего твоего не надо было, кроме тебя самого. А он мне: непутево жил с тобой, хоть после жизни от меня какой толк будет... Это утром было, а с обеда мне на работу. Пришла, а руки, веришь, дрожат так, что держать ничего не могу. Режу колбасу там, сыр, а перед глазами – как его будут резать. И такое чувство – будто этим самым ножом. Чувствую – не могу больше, или палец себе сейчас отхвачу, или еще что сделаю. А тут, как назло, тип одни – порежь ему четыреста грамм отдельной, да потоньше. Ну ты подумай. Сжала зубы, режу. А он – я ж потоньше просил, а вы нарочно ломтями. Это я, значит, нарочно. Ну что я ему могу сказать, разве ответишь им что. Ведь каждый из них меня минуту видит – и привет. Ему же все равно, в каком я состоянии, что у меня на душе, он же не на меня – на весы смотрит, чтоб не обвесили, не дай бог. Не выдержала я тут и сказала все, что думаю. Про всех про них. Он – к заведующей да в книгу жалобную. А я бросила все – и домой. И так больше и не пошла. Они приезжали, уговаривали, продавцов-то ведь нет, никто работать не хочет. А я говорю – увольняйте, как хотите, сейчас работать не могу. Сил нет. Они говорят – мы тебе за свой счет дадим, напиши, будто по семейным обстоятельствам. А я спрашиваю – почему же это будто, разве они не семейные, эти самые обстоятельства. А они говорят – вы, мол, не расписаны. Ах так, говорю, ну так ладно. И на другой день – в загс. А там свои дела, там очередь на три месяца вперед. А разве ему можно ждать три месяца? Я к заведующей, объясняю все. Она говорит – я, конечно, понимаю вас и даже сочувствую и все такое, но права не имею распорядок нарушать. Я говорю – ну хотите, я справку из поликлиники принесу, что жених мой – это они его так называли – жених, надо же, пять лет живем, жених все, – так вот, говорю, хотите, я справку принесу, что он нуждается в срочной операции. Она говорит – ладно, принесите... Ой, господи, как вспомню все это...

Галина Аркадьевна. Но если вам тяжело...

Женщина. Да нет, ничего, выговорюсь – легче, может, станет... Словом, пошла я в поликлинику, объясняю им что и как, они тоже в растерянности, странная справка получается, жутковатая какая-то, но дали все-таки. Расписали нас, значит. Пришли мы домой, гостей никого не звали, какие там гости, а вечером его родители пришли. Снизлоши вроде бы как. Сначала натянуто все очень. То, се, где ваш мальчик, как он. А я его к сестре отправила, чтоб уж не сразу доконать родственничков-то новых. Мой, конечно, старался, как мог, острил, танцевал с матерью – она хоть и пожилая, а танцует здорово, почище молодой. А потом она зашла на кухню, когда я чай заваривала, подошла ко мне и, ничего не говоря, молча так, обняла сзади. И постояла так. Я повернулась, хочу сказать что, а в горле – не могу. И она не выдержала. И проревели мы с ней так часа полтора. Мужчины даже не заходили, поняли, наверное, что и как. И верите – о чем говорили тогда, не помню. Вроде бы я извинялась, вроде бы она тоже прощенья просила – не помню. Помню только духоту – чайник все кипел...

Галина Аркадьевна (после паузы). А потом?

Женщина. А потом – что. Он в клинику лег, на обследование вначале, а я вот ищу обмен, слово дала. А уж что дальше – один Бог знает. Все едино – хоть режь, хоть облучай. Ладно, вы простите меня, что я вам на голову все это, вам все это чужое.

Галина Аркадьевна. Что вы, если хоть капельку...

Женщина. Да кто его знает. Говорят, выговоришься – облегчишь душу. Да разве ее чем облегчишь, особенно словами. А сделать – что я могу. Могла бы – сама легла вместо, я – что, кто мою смерть заметит, а он – у него голова светлая, он мог бы еще много понаделать всего.

Галина Аркадьевна. Но подождите, может, все еще обойдется.

Женщина. А я жду. Надеюсь. Чего ж мне еще остается. Только это и осталось... Ладно, вы квартиру-то так и не посмотрели, заморочила я вас.

Галина Аркадьевна. Да нет, я уже все увидела. Вы же сами говорите – коробка с дыркой.

Женщина. Вторую, его – будете смотреть?

Галина Аркадьевна. Да, если можно.

Женщина. Можно, отчего ж нельзя. Нужно даже. Только там нет никого, надо договориться, чтоб я или мать его приехали.

Галина Аркадьевна. Ну, вы скажите, когда вам удобно.

Женщина. Знаете что, возьмите ключ. Посмотрите сами, после привезете.

Галина Аркадьевна. А вы не боитесь так – незнакомому человеку все-таки?

Женщина. Это я раньше боялась бы. Когда не знала, чего бояться надо. Натe (*протягивает ключи*), привезете вечером, я по вечерам всегда дома, он звонит оттуда. (*Уходит.*)

Пауза. Галина Аркадьевна садится за стол и некоторое время сидит одна. Постепенно к ней подсаживаются остальные. Справа – Николай Павлович. За ним, в центре стола, – Изольда Тихоновна. Вслед за ней – ПДП. Еще дальше Лида и Игорь.

Игорь (*встает*). Я хочу сказать тост. Можно? (*Изольде Тихоновне.*) Прежде всего разрешите поздравить вас и пожелать крепкого здоровья. Я не помню своей бабушки, но мне кажется, вы очень на нее похожи. Во всяком случае, я бы очень хотел, чтобы у меня была такая бабушка. (*Садится.*)

Изольда Тихоновна. Спасибо, дорогой, спасибо. Я бы тоже очень хотела иметь такого внука. Вообще мне на старости лет вдруг стало везти на родственников.

ПДП (*встает, говорит с легким акцентом*). Позвольте теперь мне. Да?

Николай Павлович. Рубен Ованесович, прошу.

ПДП. По праву, так сказать, старого друга. Должен вам сказать...

Изольда Тихоновна. Ничего ты не должен. Не преувеличивай.

ПДП. Что за человек, да? Я знаю эту женщину – страшно даже сказать сколько.

Изольда Тихоновна. За кого тебе страшно? За меня?

ПДП. Ну? Ну, все видят, что я от тебя терплю. Так вот я хочу сказать, что готов терпеть все это еще много-много лет.

Лида. Красиво.

ПДП. Более того...

Изольда Тихоновна. Вот более – не надо.

ПДП. Слушай, почему ты никогда не даешь мне слова сказать?

Изольда Тихоновна. Из любви к ближним.

ПДП. Но ты же не знаешь, что я хочу сказать.

Изольда Тихоновна. Надеюсь, что знаю.

ПДП. А если ошибаешься, ну?

Изольда Тихоновна. Очень жаль тогда. Мне бы не хотелось, чтобы ты уже не хотел это сказать.

ПДП. Ну так почему же тогда...

Изольда Тихоновна. Отдохни, Рубенчик.

ПДП садится.

Галина Аркадьевна (*встает*). Может, я тогда скажу? Этого уж точно не знает никто. Даже Коля.

Изольда Тихоновна. Так. Какая-то неприятность, не иначе.

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь, почему обязательно неприятность?

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Так издавека хорошее не сообщают.

Галина Аркадьевна. Но на этот раз, дорогая свекровь, вы ошиблись. Я хочу вам сделать подарок по случаю дня вашего рождения. Вы уже немолоды, и вам тяжело обслуживать нас с Колей.

Изольда Тихоновна. И собаку.

Галина Аркадьевна. И собаку. Поэтому я долго взвешивала этот шаг, но все-таки решила.

Изольда Тихоновна. Кухонный комбайн – я так и знала. Я же совсем с ним погибну.

Галина Аркадьевна. И не угадали.

Лида. Стиральная машина.

Изольда Тихоновна. Типун тебе на язык. Чтоб я портила белье...

Игорь. Я понял. Домработницу решили взять.

Изольда Тихоновна. Уйду из дома. В сей момент. В ночь уйду. В никуда.

Галина Аркадьевна. Не угадали.

Изольда Тихоновна. Перестаньте мучить, говорите уже. Николаша, дай валидол.

Галина Аркадьевна. Ладно, не томитесь. Я решила, чтоб иметь возможность помогать вам и Коле, уйти с работы.

Пауза.

Изольда Тихоновна. Я же чувствовала. Я же знала. Я сегодня во сне сырое мясо видела.

Николай Павлович. Позволь, ты что – не довольна?

Изольда Тихоновна. Две хозяйки у одной плиты?

Галина Аркадьевна. Вы не поняли, я хочу вас освободить.

Изольда Тихоновна. От чего освободить?

Галина Аркадьевна. От всего.

Изольда Тихоновна. От жизни.

Галина Аркадьевна. Нет, только от хозяйства.

Изольда Тихоновна. А что я тогда буду делать? Ждать участкового врача?

Николай Павлович. Ма, ну что ты говоришь.

Изольда Тихоновна. Я знаю, что я говорю. Я в этом доме всю жизнь была хозяйкой. Сначала с папой, потом с тобой, потом с вами. И вы все получали из моих рук. И вы, и, кстати, ваша собака. А теперь что вы прикажете мне делать – идти в лифтерши? Я отстала от жизни для этой работы – я не знаю, кто с кем живет. *(Отходит, садится в кресло.)*

ПДП идет за ней.

Лида. Так, интересно. Значит, для нас ты не хотела бросить работу. Ни для меня, ни для внучки. Нам помочь ты не могла, а для совершенно чужого человека...

Галина Аркадьевна. Лида!

Николай Павлович встает, отходит.

Тебе не стыдно перед Николаем Павловичем!

Лида. А тебе, тебе не стыдно перед Игорем? С нами ты была незаменимый работник, на тебе держалась вся московская промышленность, а сейчас ты уже не командир производства, ты просто женщина. Вдруг. Вспомнила.

Галина Аркадьевна. Да. Вспомнила. Вспомнила. А что я могла с вами вспомнить? Кастрюли? Пеленки? Магазины? Разве только в этом – женщина? Ты хотела мне оставить только этот ее удел и хотела, чтобы я за это еще и спасибо тебе говорила. Нет, дорогая. У нас есть еще и другое предназначение. И оно не заказано ни одной из нас. Ты скажешь – в моем возрасте это, мол, смешно. А я скажу – не смешно. Может быть, немного грустно. Что так поздно. Что так мало осталось. Молодость эгоистична, и тебе этого сейчас не понять. И я бы очень хотела, чтобы ты никогда этого не поняла. Чтоб никогда не осталась одна, не отвыкла от местоимения «мы». Иди, детка, и постарайся вырастить свою дочку так, чтобы никогда не услышать от нее всего, что я от тебя услышала. *(Отходит, ложатся на диван.)*

Игорь. Кажется, ты не очень удачно выступила.

Лида. Я не хотела.

Игорь. Не ври – хотела. Только это было нехорошее желание. Пойди к ней, извинись.

Лида. Черт меня за язык дернул. *(Подходит к Галине Аркадьевне, садится около, обнимает ее.)*

Игорь. Кажется, я знаю, чем это все кончится.

Изольда Тихоновна *(подходит)*. Так я вам скажу, чем все это кончится: мы будем меняться.

ПДП *(подходит)*. Как меняться, слушай? Что говоришь!

Изольда Тихоновна. Я знаю, что говорю. Трое неработающих в одном месте? Не считая собаки? Нет, нет – меняться.

ПДП. В Ереван?

Изольда Тихоновна. Нет, здесь.

ПДП. Ну, здесь тоже можно что-то подобрать.

Изольда Тихоновна. А, что можно подобрать, когда все хорошее давно уже подобрали другие?

ПДП. Почему все? Меня еще никто не подобрал.

Изольда Тихоновна. По-прежнему хочешь насмешить людей?

ПДП. Почему насмешить, слушай? Два человека столько лет – не знаю, как сказать – дружат, да? – что здесь смешного?

Изольда Тихоновна. Вот именно. Плакать надо.

ПДП. Обязательно крайности, да? А спокойно пожить нельзя? С внутренним достоинством.

Изольда Тихоновна. С достоинством? И чтоб меня Изольдочкой звали?

Галина Аркадьевна. Или просто – она.

Игорь. И к этому легко привыкаешь.

Галина Аркадьевна. В этом даже что-то есть.

Лида. Это подчеркивает ваше особое положение в семье.

Николай Павлович. Мне кажется, в этом – уважение пополам со страхом.

ПДП. Ну? А что еще нужно женщине?

Изольда Тихоновна. Я не знаю. Я должна подумать.

ПДП. Сколько можно думать, слушай? Тридцать лет думаешь, ну. Шесть пятилеток.

Изольда Тихоновна. К тому же я твоей матери всегда не нравилась.

ПДП. Теперь это практически неважно. Мама плохо видит.

Изольда Тихоновна. Представляю, что скажут мои новые родственники.

Лида. Это замечательно. На худой конец всегда можно поменяться.

Галина Аркадьевна. Поздравляю. Между прочим, есть один человек, скажете, что вы от тети Зины.

Игорь. Вы молодец. Вам, кстати, связать ничего ненужно?

Николай Павлович. А почему опять разговоры о разъезде? Хватит разъезжаться. Давайте наоборот – съедемся. Все вместе. Одной семьей. А?

ПДП. Это выдающаяся идея. Мама очень обрадуется.

Николай Павлович. Нет, вы подумайте, как это здорово. Пять поколений под одной крышей. Хочешь мудрого совета – пожалуйста. Не хочешь – все равно пожалуйста. Хочешь немного детского лепета – круглые сутки. Хочешь на стадион – тоже есть с кем пойти. Правда, некогда. Хочешь один побыть – в конце концов тоже можно устроиться. Если дождя нет. Ну? По-моему, я здорово придумал. А вы как считаете?

Все рассказываются как на старинной фотографии. В центре – пустой стул. Слева – Изольда Тихоновна, за ней – Николай Павлович. Справа от стула – ПДП и Галина Аркадьевна. Сзади стоят Лида и Игорь. Впереди группы – детская коляска, на ней висит поводок. Говорят, не меняя позы.

Галина Аркадьевна. У меня сегодня конференция, буду поздно. *(Отходит.)*

Лида. У меня семинар вечером, девочку покормите. *(Отходит.)*

Игорь. Я после работы – в библиотеку, с собакой не забудьте выйти. *(Отходит.)*

Изольда Тихоновна. У нас в жэке лекция, деньги на продукты на столе. *(Отходит.)*

ПДП. Вечером в «Севане» встреча ветеранов, телевизор не оставьте опять на ночь включенным. *(Отходит.)*

Николай Павлович. Я тоже... Это... Закат рисую. *(Отходит.)*

На авансцене остается пустой стул, к нему подходит ПДП.

ПДП (стулу). Извините. *(Отставляет его в сторону. В зал.)* Вот видите. Я же говорил. Почему-то когда в семье возникают сложности, кажется, что проще всего разъехаться. И раньше так было, и сейчас. Да, наверное, это и правда проще. Но вот лучше ли? Может, для начала, прежде чем менять площадь, попытаться поменять что-то в себе? Скажем, сменить раздражение на терпимость? Или упрямство на снисхождение? А? Может, тогда не придется делить мебель, под которую мы когда-то ходили пешком? Не надо будет увязывать книги, которые нам читали по слогам? Можно будет не пересчитывать ложки, с которых нас, помните, кормили – за мамино здоровье, за папино... Конечно, это не всегда легко: в жизни, в отличие от арифметики, сложение дается нам всегда труднее, чем деление... Но, может, стоит попробовать?..

Занавес

Мишель

Комедия в двух действиях

Действующие лица

Мари, Жанна – обе того неопределенного возраста, когда вечером выглядят лучше, чем утром. Правда, Мари утверждает, что она моложе.

Виктор – несколько старше их и шесть дней из семи выглядит одинаково и утром, и вечером.

Мишель – появляется в самом конце пьесы, хотя именно он и движет во многом ее сюжет.

Действие происходит в течение семи дней – с понедельника по воскресенье – на старой даче. Большая комната, на стенах много картин и пустых рам. Неровные полы, разохшиеся окна, старинная мебель. В углу мольберт, поставленный туда словно в наказание. На столике ваза с кистями. Две двери – в прихожую и на кухню. Лестница, ведущая на второй этаж, где, очевидно, находится спальня, злоеюще скрипит.

Действие первое

Понедельник. Вечер

В комнате темно. Слышны два женских голоса.

Жанна. Сегодня левая.

Мари. Левая вчера была.

Жанна. Да пожалуйста, пусть будет правая. Зажги спичку.

Мари. А свечка где?

Жанна. Не знаю, упала куда-то, а я уже шприц набрала.

Мари. Тут всего две остались.

Вспыхивает спичка и освещает Мари, лежащую на диване. Лежит она на животе. Юбка поднята, трусики приспущены. В поднятой руке держит спичку. Около нее Жанна – в одной руке шприц, другой протирает ее ягодницу спиртом. На столе и на полу много обгоревших спичек.

Жанна. Подними повыше, не видно. Мари. Быстрей давай, пальцы жжет.

Спичка гаснет.

Не промахнись в темноте.

Жанна. Не обольщайся, ты не так уж похудела.

Мари. Ой, больно!

Жанна. Все, вставай.

Слышно звяканье шприца, потом грохот чего-то упавшего.

Мари. А куда она упала?

Опять что-то падает.

Черт ее дери...

Жанна. Все, Мари, я пошла. Хорошо бы еще, правда, дверь найти.

Вспыхивает зажженная Мари свеча.

Мари. Жанна, ну подожди, он уже вот-вот придет.

Жанна. Сергей спать ляжет, а я ему еще лекарство не дала.

Мари. Ну как хочешь. Только без тебя я его не пущу.

Жанна. Да что он тебе сделает?

Мари. Не знаю.

Жанна. Тогда чего ж ты боишься?

Мари. Потому и боюсь, что не знаю. Может, если б знала, не боялась.

Жанна. Но я же рядом, через забор. Если что – крикни.

Мари. А если не успею? Ты слышала, что в конторе сказали? Что он новенький. Небось, из училища. А что в газетах пишут? Преступность помолодела.

Жанна. Хорошо, хоть кто-то молодеет. Знаешь что? Дай ему понять, что ты дома не одна. Что дома муж.

Мари. Чей муж?

Жанна. Твой, естественно.

Мари. Ноя...

Жанна. Я говорю: дай понять. При этом не обязательно предъявлять свидетельство о браке. Скажи, что он, мол, болен. Лежит наверху. Разговаривай с ним.

Мари. Как «разговаривай»?

Жанна. Ну как разговаривают с мужем? Забыла уже? Грубо разговаривай.

Мари. А он?

Жанна. А он не отвечает. Ему нельзя, он после операции. Горло. Ну слушай, ты что – мужику голову заморочить не можешь?

Мари. Я уж разучилась. И потом, я никогда никому не врала, что у меня есть муж.

Жанна. Ты столько раз врала, что у тебя его нет, когда он на самом деле был, что для разнообразия разочек можешь сделать наоборот. Словом, так: приходит твой монтер, ты разговариваешь с мужем. Поняла?

Мари. Да. *(Помолчав).* А как его зовут?

Жанна. Кого?

Мари. Мужа, естественно.

Жанна. Откуда ж я знаю. Твой же муж, не мой.

Мари. Может, Георгий?

Жанна. Георгий у тебя уже был.

Мари. Разве? Ах, да... Я привыкла – Жора. Может, тогда Матвей?

Жанна *(налетела на что-то).* Черт... Ты никак не можешь выйти за рамки своего опыта. Матвей был братом Николая.

Мари. Коляши? Действительно. А я думаю – какое знакомое имя. Так как же его зовут?

Жанна. Ну какая разница? Тебе что – жить с ним? Через пятнадцать минут забудешь. Все, я пошла. *(Уходит).*

Мари *(вслед ей).* Возвращайся скорее. *(Ходит по комнате, зажигает и расставляет свечи.)*

Раздается стук в дверь.

Кто тут?

Виктор *(за дверью).* Монтер. Вызывали?

Мари *(подходит к окну, пытается разглядеть того, кто стоит на крыльце).* Я не вижу вас. Осветите себя. **Виктор** *(за дверью).* А отпечатки пальцев не нужны?

Мари. Вы не похожи на монтера.

Виктор *(за дверью).* А на кого я похож?

Мари. Она сказала: молодой придет, а вы...

Виктор *(за дверью).* Прямо так и сказала?

Мари. Сказала: новенький.

Виктор *(за дверью).* А, по-вашему это одно и то же?

Мари открывает дверь, Виктор входит в комнату. Он небрит, одет в спецовку, на голове вязаная шапочка, на плече сумка с инструментами. Оглядывается.

Мари *(подходит к лестнице и кричит наверх).* Мишель, я покормлю тебя чуть позже, тут монтер пришел... Ты подождешь? *(Не дожидаясь ответа, возвращается к Виктору).*

Виктор. А где у вас пробки?

Мари кивком показывает – где.

На эту табуретку можно встать?

Мари. Нет, лучше на ту, эта развалится.

Виктор (*встает на табуретку, возится с пробками*). Вам не трудно поднять свечу повыше?

Мари поднимает свечу. Ее рука заметно дрожит, отчего на стене пляшут тени.

Да не бойтесь, чего вы дрожите. Я не кусаюсь.

Мари. Я дрожу? С чего это вы взяли? Просто здесь холодно. Я хотела включить камин, а свет раз – и погас.

Виктор. Все какие-то напуганные. Сначала вызывают, а потом пускать не хотят.

Мари. Ничего я не боюсь. И потом я не одна.

Виктор. А он не кусается?

Мари. Кто?

Виктор. Ваш пес.

Мари. Какой пес?

Виктор. Мишель – это разве не собака?

Мари. Почему собака? Это мой муж.

Виктор. О... Простите. Но вы так сказали – покормлю...

Мари. А что, кормят только собак?

Виктор. И он не ответил вам. Поэтому я и подумал...

Мари. Он после операции. Горло. Ему нельзя говорить. (*Подходит к лестнице, кричит наверх*). Мы не мешаем тебе, дорогой?.. Мы скоро закончим. Потерпи еще немного. Сейчас Жанна вернется, вместе поужинаем... И Матвей звонил, тоже обещал заехать.

Виктор (*слезает, смотрит при свете свечи на пробки*). У вас тут все пришло в негодность – и пробки, и щиток. И, боюсь, проводка. Сколько лет ее не меняли?

Мари. Не знаю, дача не моя, я тут так – вроде сторожа.

Виктор. А ввод у вас где?

Мари. А что это?

Виктор. Провода от столба к даче где подходят?

Мари. От столба? Кажется, сзади дома.

Виктор. Лестница у вас найдется?

Мари. У сарая стоит какая-то. Только там темно, возьмите свечку.

Виктор. Спасибо, у меня фонарь.

Мари. Да? А зачем же просили свечку вам держать?

Виктор. Чтоб вы успокоились. Когда человек чем-то занят, он не так нервничает.

Мари. Я – нервничала? С чего это вы взяли?

Виктор. Может, из-за мужа? (*Открывает сумку, достает молоток, пассатижи, нож, проволоку, фонарь*). Ничего, если я буду стучать? Не разбужу его?

Мари. Нет-нет, пожалуйста. (*Кричит наверх*). Мишель, тебе не мешает, если мастер немного постучит? Он скоро закончит.

Виктор выходит.

Он, кстати, совсем не похож на всех этих... Вполне интеллигентного вида. (*Замечает, что его нет*.) О господи, я, кажется, с ума схожу... (*Зло, обращаясь наверх*.) А ты лежишь, здоровый бугай!.. Нет, чтоб самому пробки починить!.. Мужик, называется, в доме.

В открытую дверь входит Жанна.

(Не замечает ее.) Все я сама должна делать, все сама. И еще заискивать перед всякими проходимцами! Что есть вы, что нет – один черт. Ухаживай только за вами!

Жанна *(удивленно)*. С кем это ты?

Мари. Ой, ты?.. Напугала.

Жанна. С кем ты говоришь?

Мари. С ним, с кем.

Жанна. С кем – с ним?

Мари. С Мишелем, с кем же еще. Лежит, сукин сын, горло у него, видите ли, болит. А я тут от страха должна умирать и комедии ломать.

Жанна. Ладно, слушай, кончай свой театр. Разыгралась. Эдак и я поверю в твоего Мишеля. И имя какое-то дурацкое придумала.

Мари. А что ж у меня, по-твоему, мужа больше быть не может? Вам можно, а мне нельзя? Я, по-твоему, совсем уже конченная, да? А вот ему, между прочим *(кивает на дверь)*, в голову не пришло, что этого не может быть.

Жанна. Мари, прошу тебя, хватит об этом. Не фиксируй эту ситуацию, тебе это вредно. *(Оглядывается.)* Ты не видела мою сумку? Я где-то тут оставила. *(Ищет.)*

Мы ж договорились – никаких больше браков. Тебе мало того, что было? *(Смотрит по сторонам.)* Куда я ее дела?

Мари. Да ладно, ладно, помню: никаких романов, никаких замужеств. Максимум легкий флирт, минимум легкий транквилизатор.

Жанна. Я о тебе же забочусь.

Мари. Другие подруги заботятся, подыскивая мужей, а ты их разгоняешь. Сама же придумала все это с Мишелем, а теперь...

Жанна. А, кстати, почему – Мишель? Где ты его откопала?

Мари. В детстве. У нас сосед был – Мишель все его звали. Хотя он Миша был. Высокий, длинные волосы, водолазка, магнитофон на подоконнике и «Битлы» на весь двор. *(Напевает песню «Мишель».)* Я по нему сохла, а он меня в упор не видел. Естественно: я же еще в школе училась, а он уже в институте. Мишель, Мишель... Я столько лет его не вспоминала. И если б не ты, никогда бы и не вспомнила.

Жанна. И хорошо бы сделала.

Мари. А вот тут... *(Показывает на губу.)* У него была родинка. Она меня просто с ума сводила. Как сейчас говорят, я просто тащилась от нее.

Жанна. Куда тащилась?

Мари. А, тебе объяснять... Ты глуха к новациям языка.

Жанна. И слава богу. *(Смотрит под креслом.)* А, вот она. *(Поднимает сумку с пола.)* Ладно, я пошла. Потащилась.

Мари. А чего тебе спешить? Ты ж в отпуске, рано вставать не надо.

Жанна. Я же сказала, меня муж ждет, и не вымышленный. *(Усмехнувшись.)* Правда, тоже больной.

Мари *(мечтательно)*. Может, если б я решилась тогда с ним заговорить... Мы же столько раз встречались на лестнице... Представляешь, что могло бы быть, заговори я с ним тогда?..

Жанна. Сказать что? Он лежал бы сейчас больной, после операции, ты бы терла на терке овощи и фрукты и отцеживала бы сок через марлю, и поила бы его с ложечки, и носила бы за ним судно. А потом звонила бы его мать и говорила, что ты плохо за ним ухаживаешь. Продолжать или хватит?

Мари (*помолчав*). Пожалуй, хватит.

Вспыхивает свет.

Ну вот, наконец.

Жанна. Так что хорошо, что хоть раз не сбылись твои дурацкие фантазии.

На крыльце слышны шаги. Входит Виктор, вытирая тряпкой руки.

Виктор. Надо менять все здесь. (*Смотрит на стену: выключатель закрыт бумажкой с кривой надписью «Не включать».*) А это еще что?

Мари. Тут с люстрой что-то. Не знаю что, это еще до меня. (*Жанне.*) Что у них тут случилось? (*Виктору.*) Это дача ее друзей.

Жанна. Не помню. Они уж год как уехали.

Виктор. Ну, хорошо, начнем тогда по порядку. Где та розетка, в которую вы включили камин?

Мари. Наверху.

Виктор. Я могу ее посмотреть?

Мари. Да, конечно. (*Спохватившись.*) Нет-нет, что вы, там муж, он после операции.

Виктор. Да? Но там никого нет.

Мари. Как нет?

Виктор. Так. Я, когда на лестнице стоял... Там было открыто окно – в спальне. И никого не было.

Мари (*растерянно*). А куда же он делся?.. (*Жанне.*) Он что же – ушел? Может, он на выставку поехал? (*Виктору.*) Он художник, у них выставка, он там свою картину выставил. «Весна» называется. (*Жанне.*) Помнишь «Весну»? (*Виктору.*) Представляете, каково ему? Он здесь, она там. Вот, наверное, и решил, пользуясь темнотой и тем, что я занята... Ему уже разрешили ходить, вот только голос еще...

Виктор. Но разве выставки вечером открыты?

Мари. Выставки? Да. То есть, нет. Сама выставка, конечно, закрыта, но у них вечером обсуждение. На секции.

Виктор. Он же не может говорить.

Мари. А зачем ему говорить? Ему слушать надо. Что другие о нем скажут. Ладно, с ним я потом разберусь. Сколько я вам должна?

Виктор. Пока ничего. Я еще не закончил. У вас здесь все менять надо – и щиток, и проводку, и розетки.

Мари. Да? Значит, вы еще придете?

Виктор. Завтра часов в пять вы будете?

Мари. Да, я буду ждать вас. К сожалению, мужа в это время не будет, он к врачу должен.

Виктор. До завтра. (*Уходит.*)

Обе некоторое время смотрят ему вслед.

Жанна. Завтра что – вторник? Я не смогу в пять, я Сергея к врачу веду.

Мари. Ну и води.

Жанна. Да? Даже так? Ты уже, значит, не боишься? Я тебе уже не нужна? Я, похоже, даже мешаю? Прекрасно. А может, еще один укольчик сделаем – успокоительный?

Мари (*не сразу*). А в нем что-то есть, правда? Я даже не спросила, как его зовут.

Жанна. Монтер. Монтер Монтерыч. Тебе этого мало?

Мари. Он на профессора похож. И речь у него интеллигентная.

Жанна. Мари, ты опять? Отдохни.

Мари. **Жанна,** почему ты такая недобрая?

Жанна. Я как раз очень добрая. И люблю тебя. И говорю все это только потому что добрая. Ты заслуживаешь иной судьбы. Мало тебе было лошаdnика твоего? Мало картежника? Тебе теперь монтер понадобился.

Мари. Почему понадобился? Никто мне не понадобился. Я просто сказала, что в нем что-то есть. Сказать нельзя?

Жанна. А то я не знаю тебя. Этот блеск в глазах, эти фантазии. Этот Мишель твой.

Мари. Сама мне его навязала.

Жанна. На пятнадцать минут. А ты его в биографию потащила.

Наверху что-то хлопнуло, вроде как ставня.

Что это?

Мари. Это он. Он зовет меня. Мишель. Он вернулся и хочет есть. Его в очередной раз обругали, и никто не купил его «Весну».

Опять наверху хлопнула ставня.

Я иду, мой дорогой, иду! Твое лето, твое бабье лето... *(Идет наверх.)*

Жанна *(смотря ей вслед).* Мари, Мари...

Вторник. День

Мари работает за мольбертом. Одета заметно лучше, чем вчера. Входит Жанна.

Мари. Ты? Ты же сказала – сегодня не сможешь.

Жанна. А ты обрадовалась. Визит к врачу отменился. *(Подходит к картине, смотрит.)* Знаешь, Сергей тут как-то сказал, что мы с тобой коллеги.

Мари. Да?

Жанна. Ты картины лечишь, а я людей.

Мари. Но врач может стать профессором, даже академиком, а реставратор всю жизнь будет просто реставратором.

Жанна. Но ты же не всегда была реставратором. А как художник ты тоже можешь стать академиком. Живописи.

Мари. Ага. Особенно после твоих уколов.

Жанна. Но это временно. *(Кладет на стол аудиокассету.)*

Мари. Что это?

Жанна. То, что ты просила.

Мари. «Битлы»? Ты прелесть.

Жанна. И там твоя эта... «Мишель».

Мари. Ой, сейчас поставлю. Ты представляешь, сколько я ее не слышала?

Жанна. К сожалению, представляю. Мы ж ровесницы.

Мари. Ничего подобного, я моложе.

Жанна. На год.

Мари. В нашем возрасте год считается за три – как на Крайнем Севере. *(Смотрит на часы.)* А Сергей разве не ждет тебя?

Жанна. Так... Понятно... Вчера я еще нужна была, вчера ты была запуганная и одинокая, а сегодня ты уже вышла на боевую тропу; уже бьешь копытом... Не рано ли? Очевидно, ты решила, что твоя старая проводка произвела на него такое неизгладимое впечатление, что он ждет не дожидается пяти часов, да? (*Смотрит на Мари, пауза.*) А может, он не любит старые проводки?

Мари. Не хами.

Жанна. Когда я говорила: соберись, не распускайся, следи за собой – ты что в ответ? Тапочки на босу ногу и нечесаная. А сегодня... Ты б еще вечернее платье надела.

Мари. Для себя – какой интерес?

Жанна. Ну да, а тут принц появился. С разводным ключом.

В распахнутом окне появляется Виктор. Женщины его не видят.

Мари. Он электрик, а не сантехник.

Жанна. Ах, ах, обидела, ну извини. (*Открывает сумку, достает ипприц и ампулу.*) Ладно, давай уколемся, и я пошла.

Мари ложится на диван. Виктор исчезает. Мари поднимает юбку, приспускает трусики.

(Делает укол, хлопает Мари по ягодице.) Все на сегодня, можешь вставать.

Мари (*поднимается, поправляет одежду*). Пойду поставлю кассету. (*Берет кассету, идет наверх.*)

Жанна складывает в пепельницу ампулу ипприц, спиртовую салфетку.

(Кричит из спальни.) Слушай, а магнитофон чего-то не работает. Может, опять света нету?

Жанна (*включает бра – оно не горит*). На кого, говоришь, он похож, твой монтер – на профессора?

В открытую дверь, постучав, входит Виктор, кивает Жанне.

Опять нету света, профессор.

Виктор. Сейчас будет. (*Встает на табуретку, возится с пробками.*)

Мари (*спускаясь сверху, Виктору*). Вы? Здравствуйте. А вы любите «Битлов»?

Виктор. Люблю.

Загорается бра, и сверху раздается громкий мужской голос.

Голос. Ложитесь удобнее... Ничто не должно вас стеснять...

Мари. Ой, кто это?

Жанна. Вот дурак. Это он мне «Битлов» на свой сеанс гипноза записал – Гена наш. Но это недолго, сейчас кончится.

Мари. Я его больше слышать не могу – Гену вашего.

Голос. Ваше внимание сосредоточено на моем голосе... Сейчас я буду считать до десяти, и по мере моего счета вы будете погружаться в приятное состояние покоя...

Мари (*Виктору*). Он на меня совершенно не действовал, этот дурацкий гипноз. А на вас действует?

Виктор. Не знаю.

Голос (*медленно*). Раз... Ваши руки и ноги становятся тяжелыми...

Виктор на табуретке приподнимает ногу, как бы проверяя, потяжелела она или нет.

Два... Вы чувствуете тепло в руках и ногах...

Жанна. Да выключи ты его.

Голос. Три... У вас ровное и спокойное дыхание... Мари. Зачем же, пусть все послушают, чем ты меня лечила.

Голос. Четыре... Ваше сердце бьется ровно...

Мари. Подруга, называется.

Голос. Пять... Вы совершенно спокойны...

Мари. А я бесилась, когда эту чушь слушала.

Голос. Шесть... Мысли становятся ленивыми, неповоротливыми...

Мари. А они у меня все время такие.

Голос. Семь... Тяжелее становятся веки...

Жанна. Ладно, я пошла. Пока сама не уснула. (*Уходит.*)

Голос. Восемь... Вас охватывает приятное дремотное состояние...

Мари смотрит на Виктора, продолжающего возиться со щитком.

Девять... Вас ничто не волнует... Мари. Нет?

Виктор. Кроме состояния вашей проводки. Она вся насто... (*Неуспевает закончить.*)
Голос. Десять!

На этом слове Виктор замирает в нелепой позе – с поднятыми вверх руками, держащими пассатижи, и запрокинутой головой. И не понять – то ли он и в самом деле загипнотизирован, то ли разыгрывает Мари.

Мари. Эй! Что это вы?.. Да вы что? Вы же так упасть можете... Господи, как же вас обратно вернуть?.. (*Кричит в окно.*) Жанна! Иди сюда! (*Виктору.*) А говорили – на вас не действует. Как же вас разбудить? Там же чего-то такое говорят, чтобы пациент проснулся... (*В окно.*) Жанна! (*Подходит к неподвижно стоящему Виктору.*) Когда нужно, ничего не помнишь... Так... (*Подражая гипнотизеру.*) Спокойно... Вас ничего не волнует... Вам хорошо... Вам все нравится... (*Обычным голосом.*) Вам нравится? (*Не дождавшись ответа, продолжает «гипнотизировать».*) Вы отдохнули... Вы просыпаетесь... (*Обычным голосом.*) Ну просыпайтесь же...

Входит Жанна.

Жанна, он не просыпается.

И вдруг зазвучала музыка – «Мишель» в исполнении «Битлз», точнее ее самый конец. И Виктор ожил, задвигался в такт музыке, пританцовывая на табуретке. А когда песня кончилась, шутливо поклонился и легко соскочил с табуретки. Мари с интересом разглядывает его – он уже не похож на вчерашнего мрачного монтера. И он смотрит на Мари, не скрывая интереса, – она тоже не очень напоминает вчерашнюю напуганную женщину.

Жанна. Похоже, я больше не нужна? Мари. Ну почему же... Может, останешься, чаю попьем...

Жанна. Не могу. Меня ведь ждет Мишель, ты забыла?

Мари с недоумением смотрит на нее.

Мишель. Твой муж. (*Виктору.*) Он пишет новую картину из цикла «Времена года». «Весна», как вы помните, уже была, теперь вот «Осень». С меня. Глубокая осень. Похожа? (*Усмехнувшись, уходит.*)

Виктор (*глядя ей вслед*). Остроумная женщина. Где-то я ее видел. (*Мари.*) А почему ваш муж не с вас пишет, а с вашей подруги?

Мари. Осень? Не очень-то вы любезны.

Виктор (*смущенно*). Нет, я имел в виду...

Мари. «Весна» – та с меня писалась.

Виктор. Интересно, наверное, быть женой художника. Видеть, как он творит.

Мари. Вот именно – творит. Бог знает что. То натурщицы, теперь вот подруга.

Виктор. Но раз это вас устраивает...

Мари. Уже нет. Пока он болел, я терпела. Но теперь, когда он поправился, я решила... Я решила с ним разойтись. Все, хватит.

Виктор. Даже так?

Мари. Да, так. Хотя, конечно, жалко. Он такой красивый, высокий... Волосы до плеч... Но свобода дороже.

Виктор. Вы решительная женщина.

Мари. Да. А теперь еще и свободная. Буду жить, как хочу. Делать, что хочу.

Виктор. И что же вы будете делать?

Мари. Что? Не знаю. Наверное, то же, что и раньше – реставрировать чужие картины.

Виктор. Так вы реставратор? Хорошая профессия. Интересней, чем старые проводки чинить. (*Разглядывает картину, с которой работала Мари.*) А сами рисовать вы никогда не пробовали? Мне почему-то кажется, что вы раньше... Когда-то... Я ошибся?

Мари. Нет, не ошиблись. Действительно, когда-то... В другой жизни... Но вы ведь тоже, как мне кажется, не всегда пробки чинили, нет?

Он улыбается.

Я так и думала. Я сразу сказала Жанне, что вы похожи скорее на ученого.

Виктор. Ну, вот видите: вы похожи на художницу, я на ученого, а занимаемся черт-те чем. На что это похоже?

Мари. На жизнь. Вам не кажется?

Виктор. Мне кажется, что теперь, когда мы так много узнали друг про друга, осталась мелочь – узнать, как вас зовут.

Мари. А я разве не сказала?

Виктор. Вы сказали, как зовут вашего мужа и вашу подругу.

Мари. Вообще-то первым должен представляться мужчина. Вы не находите?

Виктор. Да? Что ж, вы правы. Меня зовут Виктор.

Мари. А меня Мари.

Виктор. Очень красивое имя. И очень вам подходит.

Мари. Спасибо. А вам ваше – не очень.

Виктор. Да? Отчего же?

Мари. Оно простит вас. Лучше было бы – Виктор. С ударением в конце.

Виктор. Да? Ну что ж, не возражаю. А вы, очевидно, жили во Франции.

Мари. Почему вы так решили?

Виктор. Мари, Мишель, Виктор... А по паспорту вы же, наверное, просто Мария?

Мари. Может, вас еще и мой год рождения интересует – по паспорту? Вы, случайно, не кадровиком раньше работали?

Виктор. Ну, ну, не сердитесь. Я ничего не имею против Мари. И против Виктора. Виктором я уже пожил, и ничего хорошего, как выяснилось, это мне не принесло. Хотя и означало победу.

Мари. В этом-то и дело: победа – Виктория, с ударением на «о». Вы жили не с тем ударением, поэтому и не было побед. А теперь, когда мы его поставим на место... Человек должен меняться. Скучно всю жизнь иметь одну и ту же прическу, работу, ударение...

Виктор. Мужа...

Мари. А вы злопамятны. Зачем смотреть назад, самое интересное ведь впереди, правда?

Виктор. Я это называю «эффект угла».

Мари. Угла?

Виктор. Когда заворачиваешь за угол, каждый раз надеешься, что там тебя ждет что-то такое, что изменит всю жизнь.

Мари. И часто случалось?

Виктор. Когда специально ждешь... (*Качает головой.*) А потом, в один прекрасный день, у кого-то перегорают пробки...

Мари. Но вы же еще не знаете, изменит ли это что-то в вашей жизни?

Он смотрит на нее, чуть улыбаясь.

А если вы ошибаетесь?

Виктор (*не сразу*). И вы?

Звонит телефон.

Мари (*берет трубку*). Да... Кого?... Здесь. (*Смотрит на Виктора.*) Но тут еще много работы... Хорошо, передам. (*Вешает трубку.*) Это вас. На двадцать первой даче пробки перегорели.

Виктор (*собирает инструменты*). Я завтра закончу. Вы будете дома?

Мари. Да. Но, может, посидите еще? Это же недалеко.

Виктор. За углом.

Мари. Как за углом? За углом – я!

Среда. День

Мари перед зеркалом примеряет платье. Жанна собирает со стола иприц, спирт, ампулы.

Жанна. Завтра что? Четверг? В пятницу последний укол – радуйся.

Мари. Слава богу. А то уже садиться больно.

Жанна (*неодобрительно поглядев на нее*). Не задирай подол выше колен – тебе не семнадцать лет.

Мари. А почему это? Что-что, а колени у меня еще в порядке.

Жанна. У тебя все в порядке, кроме головы.

Мари (*опускает подол*). Ладно, так уж и быть, оставим место для мужского воображения. (*Снова его приподнимает.*) Как бы ни была прекрасна реальность (*придирчиво разглядывает себя, потом, вздохнув, все же опускает подол*), а представление о ней всегда прекрасней. (*Не отрываясь от зеркала.*) И вообще, я тебя не понимаю. То все время долбила мне, как дятел: «Новая жизнь, новая жизнь»... А когда она забрезила: «Как ты можешь, как ты можешь»...

Ты эгоистка, дорогая моя. Ты не хочешь, чтобы я зависела еще от кого-нибудь, кроме тебя. Да? Пациенты выписываются, Сергей тебя в упор не видит, а я всегда под рукой. Для самоутверждения. Шагу мне самой ступить не даешь.

Жанна. Естественно. Потому что ты все время норовишь сделать его не в ту сторону. А я как врач, как подруга, которая тебя любит, хочет тебе добра...

Мари (*повернувшись к ней*). По твоему рецепту?

Жанна. А твой какой?

Мари. Мой? Делать ошибки – как все нормальные люди. Ошибки – это и есть жизнь.

Жанна. Нормальные учатся на них, а ты ничему не учишься. Тебе мало двух мужей?

Мари. Во-первых, трех. Ты забыла Мишеля. А во-вторых, некоторым много и одного.

Жанна. Но я с одним двадцать лет живу, а ты со своими...

Мари (*поднимаясь по лестнице*). Тоже двадцать – но по совокупности.

Жанна (*вслед ей*). И после каждого развода глубокая депрессия и больница.

Мари (*из спальни*). А у тебя после одного.

Жанна (*в потолок*). Чушь! Я никогда не лежала в больнице.

Мари (*спускаясь вниз и надевая на ходу клипсы и браслет*). Ты в ней работаешь, какая разница.

Жанна. Но не пациентом.

Мари (*рассматривая в зеркале, подходят ли украшения к платью*). А ты разве не говорила сама, что психиатры сами все немного психи? Не говорила?

Жанна. Когда это я говорила?

Мари (*снова идет наверх*). И не один раз. Про своих коллег. (*Остановившись на верхней площадке*.) Но они то же самое ведь и про тебя говорят. Нет? (*Исчезает наверху*.)

Жанна (*в потолок*). Чушь! И вообще мы не обо мне говорим, а о тебе. Ты, а не я, собираешься поставить над своей жизнью очередной опыт.

Мари (*спускается, неся на пальце бусы*). А ты завидуешь мне.

Жанна. Я – тебе? Чушь. И перестань мелькать, у меня голова от тебя кружится.

Мари подходит к зеркалу и примеряет бусы.

Ты думаешь, я не могу вызвать какого-нибудь охламона и вбить себе в голову, что это мой принц? Ты думаешь, это так сложно?

Мари. Можешь. Вызвать ты можешь. Только куда ты денешь Сержа? Я-то Мишеля могу выгнать в любой момент, и я свободна. А ты? (*Снимает бусы*.) Не подходят сюда. (*Поворачивается к Жанне*.) Кстати, я забыла тебе сказать: я его уже выгнала. Учти это.

Жанна. Кого выгнала?

Мари. Мишеля – кого.

Жанна. Даже так? Бедняга. И куда же он делся?

Мари. Ушел к другой. Куда они все деваются.

Жанна. Кто же эта счастливица?

Мари. Я была его весной, я была его летом. Теперь очередь осени. (*Заботливо поправляет прическу Жанны*.) Ты единственная женщина, кому я могу отдать моего бедного больного Мишеля.

Жанна (*отстраняясь*). По-моему ты совсем свихнулась.

Мари. Почему? Это же так типично – уйти к подруге жены.

В дверях появляется Виктор.

Виктор. Здравствуйте. У вас опять дверь не заперта. Можно зайти?

Мари. Здравствуйте.

Виктор входит. В одной руке он держит букет цветов, в другой – связку изоляторов. Смотрит на Мари, не скрывая восхищения. Протягивает ей связку изоляторов, но потом спохватывается и подает цветы.

Спасибо.

Жанна. С клумбы сорвали?

Виктор (*смутившись*). Нет. Купил на станции. (*Мари.*) Вы сегодня замечательно выглядите.

Мари. Спасибо. Но сейчас я вам кое-что скажу после чего буду выглядеть в ваших глазах еще лучше.

Виктор. Да? Что же?

Мари. Я хочу вам сказать... (*Смотрит на Жанну, словно ожидая поддержки, но та отворачивается.*) То, что я говорила вам насчет Мишеля... Ну словом, это неправда.

Жанна удивленно смотрит на нее.

Виктор (*невозмутимо*). Я знаю.

Мари (*растерянно*). Знаете?

Виктор. Он мне сказал.

Мари. Кто сказал?

Виктор. Мишель.

Мари. Какой Мишель?

Виктор. Ваш.

Мари. Что он сказал?

Виктор. Что не может уйти от вас.

Мари. Ничего не понимаю. Какой Мишель? От кого уйти?

Виктор. Ваш. От вас. Так я его, во всяком случае, понял.

Мари. Вы хотите сказать, что говорили с ним?

Виктор. Вчера. На выставке.

Мари. На какой еще выставке?

Виктор. Вы меня так заинтриговали рассказом о его картине, что я решил поехать ее посмотреть. Заодно познакомился с автором.

Мари. Автором?..

Виктор. Он стоял около своей «Весны» и давал пояснения.

Мари (*Жанне*). Сделай мне еще один укол. Быстренько.

Виктор. Я что-то не то сделал?

Мари. Что, вы говорите, он вам сказал?

Виктор. Что ему не к кому уходить.

Жанна. Какой подлец... А ведь клялся. (*Уходит.*)

Виктор смотрит ей вслед.

Мари. Послушайте... Насчет Мишеля – это шутка? Виктор. Это вы меня спрашиваете?

Мари молчит.

Ладно, пойду поставлю там новые изоляторы. (*Идет к двери.*)

Мари. Хорошо. А я пока чай сделаю.
Виктор (*обернувшись*). Но все-таки где-то я ее видел...

Четверг. Утро

Мари рисует за мольбертом. Жанна готовится сделать ей очередной укол.

Жанна. Я готова. Ты скоро?

Мари. Сейчас. Глаз только закончу.

Жанна (*подходит, заглядывает*). Но это же твой монтер!

Мари. Ну да.

Жанна. Я, конечно, очень рада, что ты наконец решила вернуться к собственной живописи, но, по-моему, ты не с того объекта начала.

Мари. Надо было с тебя?

Жанна. К тому же он совершенно не похож.

Мари пренебрежительно фыркает.

Во-первых, твой монтер у тебя моложе, чем в жизни.

Мари. Я так вижу.

Жанна. Тогда тебе надо показаться окулисту.

Мари снова фыркает.

И потом, если ты его так видишь, то как ты видишь себя рядом с ним? Погляди в зеркало – ты ему в матери годишься.

Мари. Можно в юноше увидеть черты старика, а можно в старике – черты юноши. Этим художник отличается от врача. Ты визуальный очернитель окружающей действительности. И ты плохо кончишь. Учти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.